САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет

Кафедра русского языка

Влахов Андриан Викторович

ПРИЧАСТИЯ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Выпускная квалификационная работа
бакалавра филологии

Научный руководитель:
ст. преп. Д. Н. Чердаков
Рецензент:
к. ф. н., ст. преп. В. В. Клепацкий

Санкт-Петербург
2010

Содержание

Введение……. 3

Глава 1. Причастие будущего времени в глагольной системе русского языка… 5

§ 1.1. Формообразование русских причастий……. 5

§ 1.2. Вид и время русских причастий……. 8

§ 1.3. Причастия будущего времени в языках мира……. 10

§ 1.4. История изучения причастий будущего времени в русском языке….. 17

Глава 2. Образование и функционирование причастий будущего времени в современном русском языке…… 21

§ 2.1. Образование причастий будущего времени в СРЯ…… 21

§ 2.1.1. Методика и материал анализа……..23

§ 2.1.2. Зависимость образования причастий будущего времени от словоизменительного класса и морфемной структуры глагола……. 26

§ 2.1.3. Зависимость образования причастий будущего времени от способа глагольного действия……... 34

§ 2.1.4. Зависимость образования причастий будущего времени от прочих факторов…… 37

§ 2.2. Функционирование причастий будущего времени в СРЯ…… 41

§ 2.2.1. Употребление причастий будущего времени в различных грамматических конструкциях…… 41

§ 2.2.2. Употребление причастий будущего времени в различных функционально-стилистических контекстах……..52

Глава 3. Причастия будущего времени в исторической ретроспективе……. 61

§ 3.1. Причастия будущего времени в грамматических описаниях языка….61

§ 3.2. Причастия будущего времени в текстах……. 67

§ 3.3. Причастия будущего времени в XIX-XXI веках. Статус причастий будущего времени в СРЛЯ …..……...76

Заключение…… 82

Список использованной литературы…….. 84

Приложение. Список использованных источников древних текстов……..92

Введение

Русское причастие является постоянным предметом изучения лингвистов в силу своего особого положения в системе глагольных форм и резко отличающихся от прочих форм морфологических характеристик — вплоть до того, что некоторые исследователи предлагают даже рассматривать причастие как отдельную часть речи, объединяющую в себе предикативную и атрибутивную функции. История русского языка показывает, что употребление причастий в русском языке в разные исторические периоды имело различный характер и прошло стадии от повсеместного употребления (в некоторых древних источниках их количество составляет до 40% всех глагольных форм) до состояния маркера определённого функционально-стилистического контекста.

Однако в последнее время во вновь появившихся формах бытования языка, в первую очередь в интернет-дискурсе, лингвистами отмечается актуализация употребления причастий. В их числе наблюдаются формы, ранее широкого обсуждения не удостаивавшиеся, — причастия, образованные от глаголов совершенного вида с помощью суффиксов *-ущ-*(*-ющ-*)/*-ащ-*(*-ящ-*), системно использующихся для образования причастий настоящего времени действительного залога от глаголов несовершенного вида. Такие формы (вроде *выпьющий*) очевидно несут в себе семантику будущности и потому могут быть названы ***причастиями будущего времени***. Их существование отмечается уже в течение некоторого времени, однако комплексного освещения в научной литературе эта проблема не получила, в то время как нормативные пособия остаются на стадии лаконичного «в кодифицированный литературный язык причастия будущего времени не входят».

Основная цель настоящей работы — выяснить, насколько правомерно на данном этапе развития языка рассматривать причастия будущего времени как часть русской причастной системы. Для достижения этой цели в работе мы в первую очередь описываем саму причастную систему русского языка и демонстрируем, какое место в ней могут занять причастия будущего времени, при-

влекая в сравнительном обзоре также данные других мировых языков (глава 1). Далее, приведя обзор существующих в научной литературе точек зрения о статусе причастий будущего времени (§1.4), в главе 2 мы исследуем морфологические и словообразовательные факторы, влияющие на образование причастий будущего времени, а также анализируем употребление причастий будущего времени в текстах в грамматическом и стилистическом аспектах; таким образом, глава 2 содержит синхронный анализ причастий будущего времени в русском языке. Наконец, в главе 3, опираясь на исторические источники, мы осуществляем диахроническое описание употребления причастий будущего времени в русском языке (в текстах и грамматиках), завершая начатый во второй главе всесторонний анализ и делая выводы о статусе причастий будущего времени в современном русском языке.

Глава 1.

Причастие будущего времени в глагольной системе русского языка

§ 1.1. Формообразование русских причастий.

Причастие в русском языке традиционно определяется как «нефинитная форма глагола (вербоид), обозначающая признак имени (лица, предмета), связанный с действием, и употребляемая атрибутивно» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 399, ст. «Причастие»]. Следовательно, причастия в русском языке образуются от глагольной основы и сохраняют грамматические характеристики производящего глагола.

Академическая грамматика русского языка [Русская грамматика 1980: § 1577-1578] полагает основными дифференцирующими признакам причастий *время* и *залог* при сохранении видового значения глагола. В русском языке выделяются причастия настоящего и прошедшего времени действительного и страдательного залога. Соответственно, при различных комбинациях этих признаков от русского глагола можно образовать четыре разных причастия.

Ограничения на образование причастий связаны с грамматическими характеристиками глагола. Во-первых, категория залога при образовании причастий неразрывно связана с категорией переходности — причастия страдательного залога способны образовываться только от переходных глаголов (так как только двухместные переходные глаголы допускают свободную трансформацию формального объекта в субъект). Во-вторых, у глаголов совершенного вида в русском языке отсутствуют формы настоящего времени и, соответственно, основа настоящего времени, необходимая для образования двух из четырёх причастий.

Зависимость образования причастий от грамматических характеристик представлена в табл. 1. на примере глаголов *читать* (переходный НСВ), *прочитать* (переходный СВ), *белеть* (непереходный НСВ) и *побелеть* (непереходный СВ).

Таблица 1. Влияние грамматических характеристик на образование причастных форм

		Настоящее время		Прошедшее время	
		Действ.	Страд.	Действ.	Страд.
Пере-ходный	НСВ (*читать*)	+ (*читающий*)	+ (*читаемый, читающийся*)	+ (*читавший*)	+ (*читанный, читавшийся*)
	СВ (*прочитать*)	–	–	+ (*прочитав-ший*)	+ (*прочитан-ный*)
Непере-ходный	НСВ (*белеть*)	+ (*белеющий*)	–	+ (*белевший*)	–
	СВ (*побелеть*)	–	–	+ (*побелевший*)	–

Причастия настоящего времени образуются от основы настоящего времени[1] путём присоединения суффиксов:

действительные причастия — ***-ущ-/-ющ-*** для глаголов I спр. и ***-ащ-/-ящ-*** для глаголов II спр.;

страдательные причастия — ***-ом-*** и ***-ем-*** для глаголов I спр. и ***-им-*** для глаголов II спр.

Причастия прошедшего времени образуются от основы прошедшего (иногда настоящего) времени[2] путём присоединения суффиксов:

действительные причастия — ***-ш-*** и ***-вш-***;

страдательные причастия — ***-т-***, ***-нн-*** и ***-енн-*** (***-ённ-***).

После этих суффиксов присоединяется адъективная флексия. Причастие обладает словоизменительными категориями рода, числа и падежа и, соответственно, склоняется по адъективному типу.

[1] С некоторыми морфонологическими ограничениями и иногда с фонетическими изменениями в основе, зависящими от глагольного класса; полный перечень см.: [Русская грамматика 1980: §1581-1583].

[2] С некоторыми морфонологическими ограничениями и иногда с фонетическими изменениями в основе, зависящими от глагольного класса; полный перечень см.: [ibid.: §1584-1588].

Необходимо отметить тот факт, что от многих глаголов причастия, даже возможные грамматически, фактически не образуются. Особенно это свойственно страдательным причастиям.

Вместо «традиционных» причастий страдательного залога от глаголов несовершенного вида могут использоваться возвратные образования «медиального залога» от соответствующих действительных причастий (типа *слушавшийся доклад)*. А. А. Камынина [Камынина 1999: 165, 168] полагает такое образование причастий нестандартным и нерегулярным, однако, как свидетельствуют данные, приводимые, к примеру, К. А. Крапивиной, «для причастий прошедшего времени НСВ гораздо чаще выбирается форма с постфиксом *-ся*, а большинство форм с суффиксом *-ен(н)-/-н(н)-* либо адъективировались, ср. *деланый*, *порченый*, либо воспринимаются как устаревшие, ср. *строенный* (*дом, строенный дедом*)» [Крапивина 2009: 9]. Стоит отметить, правда, что образование страдательных причастий по модели финитных форм (то есть с помощью постфикса *-ся*) возможно далеко не от всех глаголов: у невозвратных глаголов, имеющих возвратный коррелят, соответствующее страдательное образование совпадало бы с действительным причастием настоящего времени этого коррелята, ср. **несущийся* вместо *несомый* (от глагола *нести*), потенциально совпадающее с существующей формой *несущийся* от глагола *нестись* (в разных значениях).[3]

Многочисленные особенности образования русских причастий от конкретных глаголов (см. выше), тем не менее, не влияют на общую партиципиальную систему русского языка, включающую шесть регулярно образуемых причастий — четыре несовершенного вида и два совершенного.

[3] Впрочем, в некоторых случаях, когда «традиционно» страдательное причастие не образуется, форма на *-ся* может помочь заполнить пустующую по морфонологическим или иным причинам клетку таблицы, ср.: *петь — поющийся*, *искать — искавшийся*.

§ 1.2. Вид и время русских причастий.

Как уже было сказано, причастие «наследует» от глагола категории вида и времени, и система образования форм показывает, что эти две категории в причастии оказываются неразрывно спаянными между собой.

Существующие исследования основным в этом аспекте полагают вопрос о причастном таксисе. Действительно, в литературе нет единого мнения о том, всегда ли временна́я форма причастия зависит от времени основного предикативного центра предложения, другими словами, каким является время причастия — относительным или абсолютным. Краткий обзор существующих мнений по этому вопросу приводится в уже упоминавшейся нами работе К. А. Крапивиной [Крапивина 2009: 11-12]. Приведём лишь основной вывод: время причастия по большей части зависит от основного предикативного центра, то есть является относительным по отношению к главному действию, но в части случаев (к примеру, когда оба предикативных центра имеют при себе темпоральные уточняющие единицы) наблюдается абсолютность причастного времени.

В глагольном таксисе основополагающей является триада предшествования, одновременности и следования как трёх вариантов временны́х отношений между предикатами. В общем случае эти три варианта в сознании носителя языка соотносятся с тремя временами русского глагола — прошедшим, настоящим и будущим. Соответственно, логичной бы выглядела следующая система таксисных отношений в полипредикативных конструкциях с причастием: причастие прошедшего времени описывает предшествование побочного действия основному, причастие настоящего времени — их одновременность, а причастие будущего времени — следование побочного за главным. И действительно, такую картину можно наблюдать в других языках (см. §1.3).

Однако в системе русского языка причастие будущего времени отсутствует. Это не раз отмечалось широким кругом авторов, утверждение о том, что «причастий будущего времени не существует», вошло в школьные учебники. Академическая грамматика 1980 г. подчёркивает, что «…причастия наст. вр. не образуются от глаголов сов. вида. Встречающиеся изредка в употреблении при-

частия, образованные от глаголов сов. вида, являются отступлением от литературной нормы, например: *человек, не* ***предъявящий*** *никаких свидетельств и пашпортов* (Гоголь)» [Русская грамматика 1980: § 1581].

Соответственно, система таксисных отношений в бипредикативных конструкциях с причастием в русском языке становится на один порядок беднее: существующими причастиями могут выражаться только отношения предшествования (причастие прошедшего времени совершенного вида: *Я увидел / вижу человека, написавшего гениальную пьесу*) и одновременности (причастие настоящего времени: *Я вижу человека, поднимающего экономику всей страны* или причастие прошедшего времени несовершенного вида: *Я познакомился с человеком, поднимавшим экономику всей страны*). Отношения же следования в литературном языке могут выражаться только с помощью описательных конструкций с финитными формами (конструкции *который* + глагол в буд. вр.).

§ 1.3. Причастия будущего времени в языках мира

Между тем в других языках причастия будущего времени представлены достаточно широко. Ниже мы приводим краткий обзор этих форм в различных языках мира, не претендующий на полноту, но дающий представление о том, как в различных языках различных семей образуются и функционируют такие причастия.

а) Причастия будущего времени в индоевропейских языках.

В индоевропейских языках будущее время сформировалось гораздо позднее по сравнению с прошедшим и настоящим.[4] Поэтому полная причастная трихотомия «прошедшее — настоящее — будущее» в языках этой семьи представлена крайне редко.

В классических античных языках в связи с тем, что они прошли долгий путь развития и рано установили книжную традицию, причастия будущего времени активно использовались и входили в глагольную систему. В древнегреческом языке существовало три причастных формы в будущем времени. На примере глагола *παιδεύω* ‘воспитываю’ формы выглядят следующим образом: в действительном залоге — ***παιδεύσων*** ‘который будет воспитывать’, в медиальном залоге — ***παιδευσόμενος*** ‘который будет воспитывать себя’, в страдательном залоге — ***παιδευθησόμενος*** ‘которого будут воспитывать’. С. И. Соболевский отмечает, что «причастие в обоих будущих[5] (подобно латинскому participium futuri activi) означает намерение делать или сделать что-либо: ποιήσων (participium fut. I) значит: "который будет делать", "который сделает", "намереваясь делать", "намереваясь сделать"» [Соболевский 1948а: 71]. В новогреческом языке причастия будущего времени исчезли полностью [Holton, Mackridge, Philippaki-Warburton 1997: 278].

---

[4] См. об этом подробнее у А. Эрну: [Эрну 2004: 191].

[5] Тонкие различия между разными формами будущего времени в древнегреческом языке для нашей работы не важны; в целом отличие futurum III от futurum I примерно такое же, как между двумя будущими временами в латыни: futurum I — обычное действие в будущем, futurum III (в латыни futurum II) — фоновое действие в будущем, которое завершится к моменту действия, описанного futurum I.

В латинском языке существовало два причастия будущего времени. Первое, так называемое participium futuri activi, образовывалось от основы супина с помощью суффикса *-ur-* и адъективных флексий: *ornare* ‘украшать’ — ***ornaturus*** ‘тот, кто украсит’, ‘намеревающийся украсить’. Как отмечает С. И. Соболевский, «participium futuri activi означает намерение и употреблялось в классическую эпоху почти исключительно в описательном спряжении с глаголом sum» [Соболевский 1948b: 324]. Второе причастное образование, participium futuri passivi, более известное под названием gerundivum, образовывалось от основы настоящего времени с помощью суффиксов *-nd-* и *-end-* и адъективных флексий: *ornare* ‘украшать’ — ***ornandus*** ‘тот, который должен быть украшен’, ‘долженствующий быть украшенным’. Герундив имел значение долженствования и также использовался в описательном спряжении. Описательным спряжением (coniugatio periphrastica) в латинском языке называлось использование конструкций «participium futuri + глагол esse ‘быть’» для выражения предстоящего действия в придаточном предложении, то есть, по сути, для выражения таксисных отношений.

Как мы видим, на латинские participia futuri накладывались жёсткие ограничения по условиям употребления, однако использовались они регулярно и без потери своего грамматического значения.

Ни в одном из романских языков, впрочем, латинские причастия будущего времени не сохранились[6], и то же можно сказать практически обо всех распространённых в Европе индоевропейских языках, в том числе и о славянских (о них см. подробнее [Нахтигал 1963: 276-282]). Впрочем, один язык является ярким исключением — литовский. В нём функционирует чрезвычайно разветвлённая причастная система — 13 различных образований, из которых к будущему времени можно отнести четыре[7]. Это, во-первых, три «истинных причастия»: а) активное причастие будущего времени: *sakyti* ‘сказать’ — ***sakysiąs***

[6] Исследователи отмечают, что две формы gerundivum законсервировались в женских испанских именах *Amanda* (от латинского *amanda* ‘та, которую нужно любить’ от *amare* ‘любить’) и *Miranda* (от *miranda* ‘та, которой до́лжно восхищаться’ от *mirare* ‘удивляться, восхищаться’).

[7] Данные о партиципиальной системе литовского языка мы приводим по работе [Аркадьев 2008], в которой содержатся наглядно представленные сведения о глагольных образованиях в литовском языке. Более полное описание глагольной системы языка см., например, в грамматике литовского языка [Ambrazas 1997].

(*sakysianti* для ж. р.) ‘тот, который скажет’; б) пассивное причастие будущего времени: ***sakysimas*** (*-a*) ‘тот, о котором скажут’; в) «несогласуемое» или наречное причастие (в старых описаниях — «деепричастие») будущего времени: ***sakysiant*** ‘когда скажут’, ‘сказав (в будущем)’. Во-вторых, в литовском языке существует герундив (пассивное причастие будущего времени со значением долженствования), аналогичный латинскому: ***sakytinas*** (*sakytina* для ж. р.) ‘тот, о котором нужно, должно сказать’.[8]

Причастия будущего времени в литовском языке используются не слишком активно (многие пособия для изучающих литовский язык вообще не утруждают себя их упоминанием, например, довольно авторитетный учебник [Александравичюс 1988]). Однако в связи со слабым развитием в литовском языке категории вида весь объём выражения таксисных отношений переносится на грамматическое время, в связи с чем причастия, в том числе и будущего времени, становятся выразителями относительного времени, в том числе в сложных абсолютивных конструкциях (в т. ч. сохраняются рефлексы древнего dativus absolutus, см. подробнее [Аркадьев 2008: 3-5]. Также причастия в литовском языке могут входить в состав аналитических глагольных форм [ibid.: 5-7].

Причастия будущего времени встречаются и в некоторых других индоевропейских языках. Так, в санскрите существует пассивное причастие будущего времени со значением долженствования (то есть аналогичное латинскому герундиву), так называемое participium necessitatis, образующееся прибавлением к корню суффиксов *-ya-*, *-(i)tavya-* или *-aniiya-* [Кочергина 1994: 183], например, *kar* ‘делать’ — ***kaarya*** ‘тот, который должен быть сделан’. Помимо санскрита причастия будущего времени (как активные, так и пассивные) существовали и в другом древнеиндийском языке культа — па́ли, об этом подробнее см. [Дюрозель 1997: 112, 118].

Есть свидетельства существования причастий будущего времени в другом древнем индоевропейском языке, авестийском [Виноградова 2000: 83]; так,

[8] Прочими элементами литовской причастной системы являются: причастия (активное, пассивное и наречное) в настоящем времени, простом прошедшем (претерите) и прошедшем многократном (хабитуалисе), а также согласуемые конвербы («полупричастия»), не обладающие категорией времени.

термин ***saošiiant*** ‘мессия, спаситель мира в иранской мифологии’ по происхождению является активным причастием будущего времени от глагола «спасать», т. е. ‘тот, кто спасёт’.

В классическом персидском языке причастия будущего времени также эквивалентны латинскому герундиву, то есть выражают признак объекта, долженствующего испытать какое-то действие. Как отмечает Т. И. Кочеткова [Кочеткова 2005: 114-115], в разных языках, произошедших от классического персидского, причастия будущего времени ждала разная судьба. В современном фарси эти формы полностью лексикализовались и вышли из глагольной парадигмы (современное прилагательное ***nusiddni*** ‘питьевой (о воде)’, букв. этимол. ‘тот, который нужно пить’). В современном дари эти причастия ещё эпизодически употребляются в темпоральном значении в обстоятельственных конструкциях, но по большей части также лексикализованы. В современном таджикском языке же причастия будущего времени активно используются со значением намерения, желания, побуждения, образуясь прибавлением к инфинитиву суффикса *-п*: *шудан* ‘готовить’ — *дарси хонда* ***шуданп*** ‘урок, который нужно подготовить’. Возможно, тот факт, что причастия будущего времени (и развитая причастная система в целом) сохранились в таджикском языке, можно объяснить языковыми контактами с тюркскими языками (см. ниже).

В целом, как мы видим, причастия будущего времени как часть глагольной системы существовали почти во всех классических (ныне мёртвых) индоевропейских языках (что, вероятно, можно объяснить давней и долгой письменной традицией), однако с течением времени утратились практически повсеместно.

б) Причастия будущего времени в других языках.

Причастия будущего времени широко представлены в языках алтайской макросемьи. Так, в турецком языке причастия будущего времени образуются присоединением к основе глагола суффикса *-acak* (в разных вариантах[9] *-yacak*, -

[9] В турецком языке, как и во многих других тюркских, действует принцип сингармонизма.

ecek, *-yecek* и др.) и означают признак действия, которое будет или должно быть совершено, например, *bir yıl sonra Amerika'ya* ***gidecek*** *Ahmet* 'Ахмет, *который* через год *поедет* в Америку', ***okunacak*** *kitapları kütüphaneden aldım* 'я взял из библиотеки книги, *которые нужно прочитать*'; как видим, такое причастие может выражать и долженствование, и простое действие в будущем времени и иметь как активное, так и пассивное значение. При этом широко развита субстантивация таких причастий, сходная той, что мы видели в фарси (см. выше): *yakacak* 'топливо', букв. 'то, что нужно сжечь', *gelecek* 'будущее', букв. 'то, что будет'.

В монгольском языке по последним данным, приводимым М. З. Жамьяновой, выделяются «причастие долженствования на *-ууштай* и причастие будущей меры и степени возможности совершения действия на *-хуйц/-хүйц*» [Жамьянова 2008: 10]. Монгольские нефинитные формы глагола образуют довольно сложную систему, с помощью которой передаётся большое количество разнообразных отношений между действиями. Причастия будущего времени имеют в основном модальное значение.

В близкородственных татарском и башкирском языках[10] также существуют две формы причастий будущего времени: одна означает признак действия, которое совершится в будущем, например, тат. ***язылачак*** *роман* 'роман, который будет написан', башк. *Өфөгә* ***йөрөйәсәк*** *поезд* 'поезд, который пойдёт в Уфу'; вторая означает долженствование: тат. ***барасы*** *җир* 'место, куда нужно пойти', башк. ***бараһы*** *ауыл* 'деревня, в которую нужно ехать'. Обе формы также тяготеют к субстантивации.

Что касается других алтайских языков, можно отметить наличие причастий будущего времени в чувашском языке (сходных по функциям с причастиями в татарском языке, см. подробнее работу [Филиппов 2004]), в киргизском языке (где причастия будущего времени на *-ар*/*-р* имеют очень широкий спектр значений: простая будущность, вероятность, сомнение, долженствование; под-

[10] Подробнее о причастиях в татарском и башкирском языках см.: [Алишина 2009], а также [Грамматика башкирского языка 1981].

робнее см. [Грамматика кыргызского языка 1987]), в карачаево-балкарском языке (где причастия на *-ар*/*-ыр* выражают потенциальный признак, ср. *къоян* ***тутар*** *ит* ‘собака, способная поймать зайца’, а причастия на *-лыкъ*/*-рыкъ*/*-ныкъ* — долженствование, ср. ***аллыкъ*** ‘тот, кто должен взять’; подробнее в [Грамматика карачаево-балкарского языка 1979]). Особняком в алтайской макросемье стоит корейский язык, в котором также существуют интересующие нас причастия со значением простой будущности.

Отмечается наличие причастий будущего времени и в языках других семей; так, они присутствуют в нахско-дагестанских языках, известных своей сложной морфологией. В чеченском языке такие причастия состоят из формы настоящего времени смыслового глагола и причастия настоящего времени вспомогательного глагола-связки *ду*, имея две формы: зависимую (употребляющуюся атрибутивно) на *-долу* и независимую (употребляющуюся самостоятельно в функции подлежащего/дополнения, т. е. по сути субстантивированную) на *-дерг*; подробнее см. в [Чокаев 1970]. Практически аналогично образуются и функционируют причастия будущего времени и в ингушском языке: ***дешаргдола*** *книжка* ‘книга, которая будет прочитана’. Все причастия в нахско-дагестанских языках могут быть как действительными, так и страдательными.

В языках уральской семьи также встречаются причастия будущего времени; так, например, они есть в марийском языке: ***лудшаш*** *ен* ‘человек, который будет читать’, ***лудшаш*** *книга* ‘книга, которая будет прочитана’. Интересно, что различия между действительным и страдательным залогом в марийском языке у причастий будущего времени нет, используется один и тот же суффикс *-шаш*.

Очень интересен следующий факт: идея о трёхчленной причастной системе, соотносимой с тремя временами глагола, является, видимо, столь простой и логичной, что воплощается в жизнь создателями искусственных языков. Так, создатель эсперанто Людвик Заменгоф ввёл в свой язык соответствующие формы, образующиеся с помощью суффикса *-ont-*. Употребляются в языке они нечасто (см. статистику, приводимую в работе [Корнилов 1989]), однако сам факт

их существования даёт понять, что, по крайней мере, в сознании носителей индоевропейских языков (на основе которых создавался эсперанто) существует некая модель, достраивающая причастную систему в соответствии с системой глагольных времён. Ещё один, на сей раз маргинальный, пример: анонимный создатель языка Farlingo (по всей видимости, испытавший влияние эсперанто) также ввёл в систему причастия (и деепричастия) будущего времени[11], у которых имеются действительные и страдательные формы.

Мы, разумеется, рассмотрели далеко не все языки мира. Однако в целом проведённый обзор образования и употребления причастий будущего времени в разных языках даёт нам право утверждать следующее: существование таких причастий в рассмотренных языках не является уникальным явлением и соотносится с системой трёх основных глагольных времён. В разных языках такие причастия различаются по семантике, но основными являются значение простой будущности и значение долженствования (герундивное); также встречаются языки с дубитативной семантикой таких причастий. (Вероятно, столь частое наличие модальных значений связано с общей спецификой будущего времени, выражающего события, которые ещё не произошли и не обязательно произойдут, а потому на первый план выходит отношение к этому действию, выражение которого более оправданно, нежели в случае с уже имеющимися констатированными фактами в прошедшем или настоящем времени.)

Как мы видим, теоретически существование причастий будущего времени в языке вполне оправданно. Тем не менее, в русском языке грамматикой и нормой они традиционно запрещены. Но насколько это справедливо?

[11] См. подробнее по интернет-адресу http://farlingo.narod.ru/f_grammar.html (проверено 06.06.2010).

§ 1.4. История изучения причастий будущего времени в русском языке.

В нашей работе уже приводилась цитата из Гоголя, в которой от глагола совершенного вида с помощью суффикса *-ящ-* образовано причастие со значением будущего времени: «*человек*, *не* ***предъявящий*** *никаких свидетельств и пашпортов*» («Мёртвые души», т. 1, гл. 9). Сама эта форма кажется логичной и не антисистемной, и её значение понятно читателю без объяснения. Однако каково её место в системе глагольных форм?

В 1947 году В. В. Виноградов ([Виноградов 1947]) писал о том, что в русском языке причастий будущего времени не существует. К третьему изданию его «Грамматического учения о слове» 1986 г. эта позиция (уже в издании под редакцией Г. А. Золотовой) изменений не претерпела:

«В стилях книжного языка, особенно официально-канцелярских и научно-деловых, которые склонны поддерживать прямолинейный логический параллелизм между употреблением причастных конструкций и употреблением личных форм глагола в относительных предложениях, были попытки образования причастий от основ совершенного вида на *-ющий*, *-ящий* (*-ющийся*, *-ящийся*) для выражения оттенков будущего времени, а на *-вший*, *-вшийся* (*-ший*, *-шийся*) с частицей *бы* для выражения оттенков условного наклонения. Известно, что еще Гоголь пытался перенести такие формы из канцелярского языка на почву литературной речи. <…> Однако форма причастия будущего времени в норму литературной речи не вошла». [Виноградов 1986: 277]

Как видим, Виноградов считает причастия будущего времени признаком книжного стиля и называет натянутым соотнесение трёх времён финитных форм глагола с причастными. Нельзя не согласиться с тем, что в КЛЯ такие причастия не вошли, но утверждение о книжности и «канцелярскости» таких форм, видимо, с учётом новейших данных теряет свою актуальность.

Академическая грамматика 1980 г. [Русская грамматика 1980: §1581] также отрицает наличие в литературном языке причастий будущего времени: «Встречающиеся изредка в употреблении причастия, образованные от глаголов сов. вида, являются отступлением от литературной нормы; например: *человек, не предъявящий никаких свидетельств и пашпортов* (Гоголь); *сотни отрывков из книг Грина, взволнующих каждого* (Пауст.); <…> *образцы заго-*

ловков, смогущих привлечь внимание (газ.)» [Русская грамматика 1980: §1581, примечания]. Однако грамматика уже не считает невозможным существование таких причастий и лишь отказывает им в праве на вхождение в кодифицированный литературный язык.

Тем временем, существование причастий будущего времени в русском языке отмечается уже очень давно. Так, ещё в 1619 г. Мелетий Смотрицкий в своём грамматическом сочинении описывает [Смотрицкий 1619: 182] их существование и употребление: *побіющій* (действ.) — *побіемый*/*побіющійся* (страд.). Впрочем, известно, что Смотрицкий в грамматическом описании ориентировался на античные грамматики (Доната, Диомеда, Филиппа Меланхтона, Константина Ласкариса, М. Крузия и др.; полный обзор см. в [Зизаний 2000: 6-7]), а потому весьма вероятно, что он попросту перенёс в русский систему древнегреческих причастий (см. §1.3), что подтверждается также и тем, что далее в его классификации следуют причастия «среднего залога», «отложительного залога» и др., наличие которых в русском языке никогда не отмечалось.

В XIX в. в художественной литературе фиксируются отдельные случаи употребления причастий будущего времени (уже цитировавшийся Гоголь, также А. Ф. Писемский[12] и др.). Первые (и пока немногочисленные) научные работы, посвящённые этой проблеме, появились в начале XXI века. Довольно информативной стоит признать статью В. В. Шаповала [Шаповал б/г], в которой делается попытка проследить описание данных форм в разных грамматиках; впрочем, заметке этой можно было бы скорее дать подзаголовок «К постановке проблемы», ибо научных выводов, кроме описания самого факта существования причастий будущего времени и нескольких примеров, в ней не содержится. Существуют также статьи М. Н. Эпштейна ([Эпштейн 2000], [Эпштейн 2003], [Эпштейн 2007]), в которых последовательно доказывается и подтверждается примерами существование таких причастий. К сожалению, изложение мыслей в статьях Эпштейна слишком эмоционально и публицистично, теоретических

[12] *При этих словах Калиновичу невольно вспомнилась Настенька, обреченная жить в глуши и во всю жизнь, может быть,* ***не увидающая*** *ни балов, ни театров* (Писемский, Тысяча душ, ч. 3, 1).

обобщений в них практически не делается, однако они являются ценным источником примеров употреблений причастий будущего времени. Главный вывод Эпштейна таков: в русском языке нет системных ограничений на образование причастий будущего времени, и многочисленные примеры из литературы, прессы и интернет-источников подтверждают это. Эпштейн предлагает официально закрепить использование причастий будущего времени, как действительных (*успеющий*, *исполнящий*), так и страдательных (*сделаемый*, *достижимый*). Со столь радикальным подходом согласиться довольно сложно, однако вывод об отсутствии системных ограничений на образование как минимум действительных причастий будущего времени представляется довольно значимым.

Наиболее подробно проблема причастий будущего времени в русском языке была рассмотрена в уже упоминавшейся нами работе К. А. Крапивиной [Крапивина 2009]. Автором этой работы была собрана статистика употреблений причастий будущего времени в текстах (с использованием поисковых систем интернета и НКРЯ[13]) и в первую очередь был проведён анализ того, как разные факторы влияют на употребление таких причастий. В частности, было выяснено, что они практически всегда являются частью причастного оборота (4,17 % одиночных употреблений; для сравнения, причастия прошедшего времени почти в трети случаев употребляются одиночно). В причастном обороте же они практически равновероятно встречаются как в начальной позиции, так и в середине оборота; ещё одной их чертой является преимущественное (более 80% употреблений) использование без отрицания (что, впрочем, характерно и для причастий прошедшего времени СВ). Автором делается вывод о том, что «в русском языке действительные причастия будущего времени, образованные от глаголов СВ, хоть и запрещены грамматикой, но, с одной стороны, разрешены структурно, а с другой, периодически встречаются в текстах, разнообразных по стилю и тематике, и демонстрируют заметные сходства в поведении с другими, «полноправными» причастными формами» [Крапивина 2009: 21].

[13] Здесь и далее НКРЯ — принятая аббревиатура для Национального корпуса русского языка (http://www.ruscorpora.ru).

Не удовлетворившись, однако, полученными по результатам анализа текстов интернета и НКРЯ данными, автор провела эксперимент, целью которого было установить, как носители языка воспринимают причастия будущего времени. Эксперимент включал в себя причастия от разных по акциональным характеристикам глаголов в различных контекстах и позициях и принёс следующий результат: носители языка, как правило, считают причастия будущего времени не отвечающими грамматической норме, но относительно приемлемыми в речи; хотя степень их приемлемости оценивается существенно ниже, чем степень приемлемости причастий настоящего и прошедшего времени, как абсолютно маргинальные носителями языка они всё же не воспринимаются.

Также К. А. Крапивина отмечает эпизодически встречающиеся другие причастные образования будущего времени (помимо причастий СВ FUT), такие, как аналитические формы типа *будущий составлять* или страдательные формы типа *увидимый*, однако их существование на текущем этапе развития языка считает недоказанным, в чём мы с нею принципиально согласны. Поэтому здесь и далее в нашей работе мы будем пользоваться термином «причастие будущего времени» в значении «действительное причастие будущего времени от глагола совершенного вида».

Основная тема работы К. А. Крапивиной — это таксис причастных конструкций в русском языке, однако вывод, полученный ею в ходе исследования относительно причастий будущего времени, мы можем полностью принять и использовать для дальнейшего исследования, — в современном русском языке употребляются причастия будущего времени (как минимум действительного залога от глаголов СВ), и их использование не столь редко и маргинально, чтобы можно было отнести его на счёт случайных ошибок. Причастия будущего времени действительно «заполняют пустующую клетку в таблице», не воспринимаются носителями русского языка как нечто абсолютно чуждое системе и, следовательно, могут рассматриваться как часть русской причастной системы, зависящей от двух глагольных видов, двух залогов и трёх времён.

Глава 2.
Образование и функционирование причастий будущего времени в современном русском языке

В предыдущей главе мы показали, что становится возможным говорить о регулярном употреблении причастий будущего времени в некоторых сферах существования русского языка. После этого мы переходим к анализу процессов их образования и функционирования, чтобы завершить синхронное описание изучаемого грамматического явления.

§ 2.1. Образование причастий будущего времени в СРЯ

Главный вопрос, который мы ставим перед собой в этом разделе, — существуют ли какие-либо ограничения на образование причастий будущего времени, другими словами, есть ли какие-то факторы, жёстко запрещающие их образование — или же, наоборот, побуждающие к нему. После чёткого определения круга таких факторов станет возможным детально описать употребление таких причастий в языке.

Отчасти анализ зависимости образования причастий будущего времени от акциональных характеристик производящего глагола был предпринят в уже цитированной работе К. А. Крапивиной [Крапивина 2009]. Это исследование имело другие цели, поэтому анализ К. А. Крапивиной нельзя назвать полным. Мы же в настоящей работе предпринимаем попытку рассмотреть все возможные лексико-грамматические факторы, которые потенциально могут оказывать влияние на образование причастий будущего времени.

Все глаголы, от которых в русском языке могут образовываться действительные причастия будущего времени, относятся к совершенному виду. Большинство глаголов НСВ являются бесприставочными (о первичной и вторичной имперфективации разговор пойдёт ниже) и практически всегда[14] оставляют

[14] За исключением определённого круга непредельных глаголов — либо вообще не допускающих перфективации (напр., *весить*, *граничить*), либо образующих несколько коррелятов, отражающих количественно-временные способы действия (напр., *плакать*). Подробнее об этом см.: [Зализняк, Шмелев 2000: 44-56].

возможность для префиксального образования соответствующего глагола СВ, составляющего с производящим коррелятивную пару[15]. Соответственно, можно установить связь между образованием форм действительного причастия настоящего времени от глагола НСВ и образованием причастия будущего времени от коррелятивного глагола СВ. По-видимому, действительное причастие наст. вр. возможно образовать от любого глагола НСВ русского языка (по крайней мере, не удалось обнаружить никаких ограничений на присоединение к основе суффиксов *-ущ-* (*-ющ-*) / *-ащ-* (*-ящ-*) — равно как и на образование форм PRAES.3PL, идентичное с морфонологической точки зрения). Поэтому, как правило, если существует пара однокоренных глаголов, различающихся лишь префиксом (напр., *читать* — *прочитать*, *белить* — *побелить*), то вполне логично спрогнозировать, что и причастие будущего времени от глагола СВ будет отличаться от причастия ACT.PRAES от глагола НСВ лишь префиксом: *читающий* — ***прочитающий***, *белящий* — ***побелящий***[16].

Однако глаголы СВ далеко не всегда являются префиксальными образованиями от соответствующих имперфективов. Ю. П. Князев в [Морфология СРЯ 2008] выделяет четыре группы бесприставочных глаголов СВ: а) многочисленные семельфактивы с суффиксом *-ну-* (*блеснуть*), б) группа из 15 глаголов на *-ить* (*лишить*, *купить*, *кончить* и др.), в) группа из 6 «коротких» глаголов структуры «корень + показатель инфинитива» (*стать*, *дать*, *пасть*, *сесть*, *лечь*, *деть*), г) группа глаголов типа *взять*, *поймать*, *ответить* и др., где префикс выделяется лишь исторически [Морфология СРЯ 2008: 399]. Вдобавок к этому почти неограниченным является процесс имперфективации, как первичной, так и вторичной, вследствие чего коррелят НСВ зачастую оказывается

[15] Термин «коррелятивная пара», который используется в данной работе, мы используем в значении «оппозиция двух связанных словообразовательными отношениями глаголов — НСВ и СВ — различающихся лишь видом». Термин «видовая пара», распространённый в научной и учебной литературе, мы предпочитаем не использовать в силу того, что различные его понимания зачастую противоречат друг другу (см. различные взгляды на эту проблему в работах [Гак 1996], [Зализняк, Шмелёв 2000] и др.).

[16] В последнем случае, возможно, логичным был бы также перенос ударения, закономерный в акцентологической модели русского языка: русское ударение, тяготеющее к центру слова (насрединное), имеет тенденцию при префиксации — и особенно при использовании некоторых определённых префиксов — «перетягиваться» в направлении начала слова (см., например, об этом [Кодзасов, Кривнова 2001: 189-190]). Впрочем, вопрос об ударении в причастиях будущего времени до получения соответствующих данных Звуковым корпусом русского языка мы вынуждены оставить открытым.

вторичным, образованным от глагола СВ. Соответственно, требуется другая — универсальная — формулировка алгоритма образования причастий будущего времени.

Учитывая уже упоминавшуюся морфонологическую идентичность образования у глаголов НСВ форм PRAES.3PL и причастий ACT.PRAES, а также то, что в настоящем и простом будущем времени по сути выступает одна и та же основа, можно сформулировать следующую схему образования действительного причастия будущего времени: основа FUT.3PL + суффикс -*ущ*- (-*ющ*-) / -*ащ*- (-*ящ*-) в зависимости от спряжения + флексия. По этой формуле теоретически можно образовать причастие будущего времени от любого глагола СВ[17].

Однако теоретическая возможность образования причастия будущего времени не означает его автоматического появления в языке. Так, например, формы *сделающий*, *скажущий*, *придущий* воспринимаются носителем языка как близкие к нормативным и «не режут ухо» — чего нельзя сказать, например, о формах *удадущийся*, *останущийся*, *сообщащий*.[18] Поэтому представляется целесообразным проанализировать связь формообразовательной техники в исследуемом аспекте с рядом факторов, способных влиять на образование данной формы глагола.

§ 2.1.1. Методика и материал анализа

а) Методика

Основой нашего исследования являются данные, полученные при помощи использования электронных систем поиска и баз данных. Для работы мы использовали поисковые системы «Google» (http://www.google.ru) и «Яндекс» (http://www.yandex.ru) как две крупнейшие в русскоязычном интернете, а также Национальный корпус русского языка (http://ruscorpora.ru); все эти системы позволяют задавать гибкие условия поиска, в том числе и с учётом грамматиче-

[17] Соответственно, необходимо помнить о морфонологических процессах, сопровождающих образование форм PRAES.3PL и FUT.3PL, в первую очередь о наличии вариантных форм типа *замахают* — *замашут* у глаголов V класса, а также об индивидуальных особенностях отдельных глаголов типа *почтят* — *почтут*.

[18] Ср. цитату из обсуждения на форуме интернет-портала gramota.ru, посвящённого русскому языку: *Конечно, «станущий» неприемлемо, тут всё понятно. А причастие «сделающий» чем виновато?* (http://forum.gramota.ru/forum/read.php?f=27&i=6111&t=6063, проверено 06.06.2010)

ских свойств слова. НКРЯ наполняется в первую очередь текстами литературного языка XVIII–XXI веков, поисковые системы интернета же являются основным источником данных по текстам, не проходившим литературную правку. Соответственно, комбинация данных из этих источников позволяет получить всестороннюю картину словоупотреблений в текстах, различных по функционально-стилевой принадлежности и по степени их близости к литературной норме.

Количественные данные, приводимые в нашей работе, являются суммой уникальных (!) употреблений, полученных из всех трёх систем-источников. Отметим, что определённое количество получаемых контекстов неизбежно совпадает: «Google» и «Яндекс» ведут поиск по одному и тому же массиву текстов, к тому же в круг их поиска могут попадать и тексты, присутствующие в НКРЯ. Помимо этого, иногда искомое словоупотребление фиксируется в некоторой часто цитируемой фразе; используемая в таких случаях система фильтрации похожих результатов не всегда справляется с задачей. Поэтому цифры, приводимые поисковыми системами в графе «Найдено», не отражают абсолютно точного количества употреблений. В случаях с малым (до 100) количеством вхождений мы подсчитывали количество уникальных употреблений с точностью до единицы. При большей частотности, когда такие подсчёты становятся неоправданно ресурсоёмкими, мы использовали приблизительные цифры, выданные поисковыми системами при поиске с условием «везде, кроме НКРЯ», после чего объединяли полученные результаты с результатами поиска по базам НКРЯ.

b) Материал.

В качестве основы исследования мы использовали частотный список глаголов из «Нового частотного словаря русского языка» (http://dict.ruslang.ru/freq.php), составленного О. Н. Ляшевской и С. А. Шаровым на основе НКРЯ и «Частотного словаря русского языка» под ред. Л. Н. Засориной (М., 1977). Преимущество этого словаря в том, что он позволяет сформировать частотный список отдельно по каждой части речи, а также в том, что он

свободен от идеологической специфики (по утверждению авторов, в словаре Засориной частотность слов *товарищ* и *партия* сопоставима с частотностью служебных слов). Подробнее об этом словаре см. [Ляшевская, Шаров 2008].

Из частотного списка русских глаголов, сформированного на основе данного словаря, были выбраны глаголы совершенного вида. От этих глаголов по вышеприведённому алгоритму были образованы причастия будущего времени, частотность которых после этого определялась с помощью поисковых систем.

Здесь необходимо сделать пояснение. Частотность употребления причастий связана с частотностью употребления самого глагола — так, скажем, причастие *скажущий*, образованное от глагола *сказать* (3-й в списке частотности и первый среди глаголов СВ), оказывается частотнее (250 против 45) причастия *заболеющий* от глагола *заболеть* (1000-й в списке) хотя бы в силу того, что речевая ситуация, требующая глагола *сказать*, более распространена, нежели требующая глагола *заболеть*. В общих чертах эта тенденция сохраняется (так, причастия будущего времени от глаголов СВ из первой сотни списка частотнее причастий от глаголов из его «низа»), однако фактор этот не играет столь важной роли, как можно было бы предположить. Приведём простой пример: 999-я позиция в частотном списке занята глаголом *разбудить*, для причастия *разбудящий* зафиксировано 5 употреблений. 1000-я позиция занята глаголом *заболеть*, при этом причастий *заболеющий* употреблено 45 раз. Так же обстоит дело, например, с парами *поддержащий — приобретущий* (733 и 734 места), *дойдущий — привыкнущий* (405 и 406), *умрущий — попадущий* (167 и 169) и др. Следовательно, прямой зависимости между частотностью глагола и частотностью причастия будущего времени нет. Это побуждает нас искать другие объяснения тому, почему одни причастия оказываются более частотными, чем другие.

Очевидно, что охватить в исследовании все русские глаголы совершенного вида вряд ли удастся в силу развитого словообразования русского языка. Однако это, видимо, и не требуется: большая часть глагольных корней, входящих в лексическую основу русского языка по [Лексическая основа 2004], пред-

ставлена среди глаголов первой тысячи частотного списка. Это позволяет нам брать за основу исследования глаголы совершенного вида, выбранные из списка Ляшевской и Шарова. Глаголов СВ в нём обнаружено **330** (33% от общего количества)[19]. Эти глаголы и стали материалом для нашего исследования. От каждого из них было образовано причастие будущего времени по схеме, описанной выше, после чего частотность этих причастий определялась по методике, описанной в п. «а» данного параграфа, и с учётом описанных там же особенностей поиска по электронным базам данных.

§ 2.1.2. Зависимость образования причастий будущего времени от словоизменительного класса и морфемной структуры глагола

Мы используем расширенную классификацию, предложенную в [Русская грамматика 1980: §1552], включающую в себя 10 глагольных классов в зависимости от соотношения основ прошедшего и настоящего времени. Кратко воспроизведём эти классы:

Таблица 2. Глагольные классы по [Русская грамматика 1980]

Класс	Соотношение основ	Примеры
I	-/Ø/- // -/j/-	*ахать* — ***аха**-л-а* — ***аха[j**-у]т*, *выть* — ***вы**-л-а* — ***во[j**-у]т*
II	-/ova/- // -/uj/-	*командовать* — ***командова**-л-а* — ***команду[j**-у]т*
III	-/nu/- // -/n/-	*прыгнуть* — ***прыгну**-л-а* — ***прыгн**-ут*
IV	-/Ø/- // -/n/-	*зябнуть* — ***зяб**-л-а* — ***зябн**-ет*, *вянуть* — ***вя**-л-а* — ***вян**-ет*
V	гласная // -/Ø/-	*вязать* — ***вяза**-л-а* — ***вяж**-ут*, *брать* — ***бра**-л-а* — ***бер**-ут*
VI	Совпадают	*течь* — ***тек**-л-а* — ***тек**-ут*, *нести* — ***нес**-л-а* — ***нес**-ут*

[19] Полностью список глаголов СВ, использовавшихся в исследовании, размещён нами по адресу http://avlakhov.narod.ru/chast.txt (проверено 06.06.2010).

VII	-/Ø/- // -/d/t/v/n/-	*вести — **ве**-л-а — **вед**-ут, жить — **жи**-л-а — **жив**-ут*
VIII	-/va/- // -/j/-	*создавать — **создава**-л-а — **созда[j**-у]т*
IX	-/a/- // -/n/m/-[20]	*жать — **жа**-л-а — **жн**-ут, жать — **жа**-л-а — **жм**-ут*
X	-/i/e/a/- // -/Ø/-	*будить — **буди**-л-а — **буд**-ят, бдеть — **бде**-л-а — **бд**-ят*

Глаголы первых девяти классов относятся к первому спряжению, глаголы X класса — ко второму (поэтому данные о зависимости образования тех или иных форм от класса глагола автоматически включают в себя данные и о зависимости от спряжения). Помимо этого, существует ряд так называемых изолированных глаголов: а) *зиждиться* и *зыбить*(*ся*), образующие формы прошедшего времени по X кл. (*зиждилась*, *зыбила*(*сь*)), а остальные формы — по V кл. (*зиждутся*, *зыблют*(*ся*)); также глагол *мяукать*, у которого в одном из вариантных наборов форм прошедшее время (и инфинитив) образуются по I или V классу (*мяукала*), а остальные формы — по X кл. (*мяучат*); б) *хотеть*, *бежать* и *чтить* (т. н. разноспрягаемые), у которых часть форм настоящего времени образуется по I спряжению, а часть — по II: *хотеть — хочешь*, *хочет*, но *хотим*, *хотят*; *бежать*, *чтить — бежит*, *бежим*, *чтит*, *чтим*, но *бегут*, *чтут*[21]; в) *есть*, *надоесть*, *дать*, *создать*, *быть*, *ехать*, *идти* (а также все глаголы с компонентами *-есть*, *-дать*, *-быть*, *-ехать*, *-йти*), обладающие особым набором окончаний и/или особым соотношением основ (подробнее см. [Русская грамматика 1980: §1573, п. 3-4]).

Образование причастий будущего времени от глаголов разных классов, очевидно, напрямую связано с морфонологическими чередованиями, возникающими на конце основы настоящего/будущего времени. (В силу этого, хотя формально от глагола можно образовать до четырёх различных нормативных

[20] С предшествующим -/Ø/- или -/i/-, ср. *жать — жмут*, *обнять — обнимут*.
[21] Существует и вариантная форма *чтят*, мнения в отношении нормативности которой разнятся.

причастий (см. §1.1), эта возможность реализуется с меньшей регулярностью по сравнению с образованием спрягаемых форм.)

Безусловно, о сравнении разных классов друг с другом в данном случае говорить не приходится: лишь четыре класса из десяти являются продуктивными (II, III, частично I и X), в силу этого количество глаголов в разных классах сравнению не подлежит (к примеру, VIII и IX классы состоят из 10-15 глаголов каждый, в то время как постоянное пополнение продуктивных классов практически не ограничено). Однако некоторые наблюдения здесь всё же можно провести.

Так, сразу можно отметить, что от глаголов **VIII класса** причастия будущего времени образовать нельзя технически, так как все глаголы данного класса относятся к НСВ (*-ва-* исторически — имперфектирующий морф). Во **II классе**, близком по словообразовательной модели к восьмому, к СВ относятся префиксальные образования от немотивированных глаголов с многосложной (типа *потребовать*) или односложной (типа *сжевать*) основой настоящего времени, а также — условно — двувидовые глаголы типа *стилизовать*, составляющие бóльшую часть массива русских двувидовых глаголов. По данным проведённого нами поиска в интернете, от глаголов типа *потребовать* причастия будущего времени образуются относительно свободно. Так, случаев употребления причастий из гнезда *требовать* было найдено более 2000 (*потребующий, стребующий* и варианты с другими префиксами), гнезда *жертвовать* (*пожертвующий*) — 26, *способствовать* — 48 (*поспособствующий*), *совершенствовать* — 428 (*усовершенствующий*), *наследовать* — 38 (*унаследующий*), *публиковать* –18 (*опубликующий*) и т.д. Глаголы II кл. с односложной основой настоящего времени исходного глагола, напротив, к образованию причастий будущего времени склонны гораздо менее: 48 употреблений причастия *наплюющий*[22], употребления же остальных (*сблюющий*, *сжующий*) исчисляются

[22] При этом практически во всех случаях причастие *наплюющий* употребляется явно без значения будущности, как если бы глагол *наплевать* был несовершенного вида, ср.:
А насчет Рольфа, это не лесть отнюдь, это причисление к когорте ***наплюющих*** *на клиентов фирмам.* (http://autochel.ru/autostop/15560.html?p=1, проверено 06.06.2010)

единицами. Вероятно, относительную непродуктивность в этом случае можно объяснить образующимся стечением лабиальных гласных (тематический показатель класса /*uj*/ + причастный суффикс /*uš:'*/), составляющих около трети фонетического слова и одновременно являющихся его акцентным фокусом. Возможно, носители языка воспринимают образующиеся формы как неблагозвучные; свойственно это и соответствующим глаголам НСВ, ср., к примеру, частотность причастия *плюющий* в НКРЯ, составляющую 0,27% от всех форм глагола *плевать* при общей частотности действительных причастий настоящего времени (по данным НКРЯ) в 2,7% от всех глагольных форм. Благозвучность, конечно же, не является строгим научным аргументом, однако затрудненность образования причастий от таких глаголов очевидна.

Двувидовые глаголы II класса также теоретически способны образовывать причастия будущего времени. Однако такие формы крайне затруднительно отграничить от стандартных действительных причастий настоящего времени, так как они полностью совпадают по форме: нам не удалось обнаружить ни одного употребления с чётким указанием на то, что причастие в нём относится исключительно к будущему времени. Поскольку различные видовые значения двувидовых глаголов традиционно считаются формами одного и того же слова [Бондарко, Буланин 1967: 88], мы можем формально постулировать наличие причастий будущего времени и у них, однако вопрос об их отграничении от причастий настоящего времени остаётся открытым[23].

В **I классе** глаголы СВ представлены исключительно префиксальными образованиями. Явных факторов, запрещающих образование причастий будущего времени от глаголов этого класса, обнаружить не удалось, что логично: класс является очень продуктивным, поэтому модель образования причастий активно используется. Приведём некоторые данные (для первых четырёх глаголов цифры приблизительные, взятые из оценки количества вхождений поиско-

---

Туда идут те, у кого другого выхода нет, либо студенты, ***наплюющие*** *на учёбу*. (http://otvety.google.ru/otvety/thread?tid=72672ab6109aec19&table=%2Fotvety%2Flabel%3Flid%3D622ee06469e3285f&pli=1, проверено 06.06.2010) и др.

[23] Точно так же обстоит ситуация и с другими двувидовыми глаголами русского языка, не относящимися к данному классу. Ср.: *женящийся* — 'тот, кто женится сейчас' или 'тот, кто женится в будущем', *казнящий* — 'тот, который казнит сейчас' или 'тот, который казнит в будущем'?

выми системами): *сумеющий* — более 4500 употреблений, *сделающий* — более 3500, *пожелающий* — более 3000, *сыграющий* — более 1200; *прочитающий* — 727, *успеющий* — 176, *посчитающий* — 67, *постарающийся* — 52 и т.д. [24]. Как и во II классе, менее продуктивно образование причастий будущего времени от глаголов с односложным исходным инфинитивом типа *пить*, *рыть*, *брить*: 120 употреблений для *убьющий*, 56 для *забьющий*, для остальных (*выпьющий* и т.п.) в сумме около 20 употреблений.

Глаголы **III** и **IV классов** отличаются от всех прочих глаголов СВ тем, что основной показатель перфективности в этих классах, как правило, — суффикс *-ну-* (усекающийся в прошедшем времени в IV классе), а не префикс. Казалось бы, такие глаголы должны быть максимально продуктивными при образовании причастий будущего времени, ведь морф *-ну-* в русском языке является главным показателем одноактных глаголов, в которых наиболее чётко проявляется семантика совершенного вида; к тому же III класс является продуктивным[25], а входящие в него глаголы — высокочастотными. Однако на самые частотные данных классов приходится в сумме лишь около 500 случаев употребления причастий будущего времени, причём большая их часть образована от относительно частотных глаголов IV класса (292 употребления *возникнущий*, 63 для *погибнущий*, 48 для *достигнущий*, для остальных единичны). Возможна следующая формальная причина такой непродуктивности: взаимное влияние III и IV классов друг на друга обусловливает колебания в выборе формообразовательной модели и наличие у многих из этих глаголов вариантных парадигм, поэтому сомнения носителя языка в том, как образуется та или иная форма, приводят к отказу от разрешения проблемы и замене причастия описательным оборотом. Однако это предположение требует дополнительной экспериментальной проверки и потому должно рассматриваться лишь как гипотеза.

Глаголы **V класса** также не отличаются продуктивностью в образовании причастий будущего времени: в некоторой мере частотна лишь форма *скажу-*

[24] Вне анализа, к сожалению, остаются очень частотные глаголы СВ гнезда *знать*. В форме причастий их невозможно отграничить от их видовых пар, так как они различаются лишь ударением, которое в письменной речи передать невозможно: *узнаю́щий — узна́ющий*.

[25] См. об этом подробнее применительно к языку интернета: [Влахов 2008: 32-34].

щий (266 употреблений), случаи же использования других причастий исчисляются единицами. Это, по нашему мнению, можно объяснить следующим образом: большая часть глаголов V класса при формообразовании обнаруживает морфонологические чередования, при которых на конце основы настоящего времени возникает шипящий, в соединении с причастным суффиксом порождающий неблагозвучный и трудный для произнесения консонантный комплекс, которого носители языка стараются избегать.

Сходная ситуация возникает и с глаголами **VI класса**. Глаголы первой его подгруппы, с инфинитивом на *-чь*, вообще не склонны к образованию причастий [Лопатин 1966], единственно частотные причастие будущего времени — *смогущий* и *помогущий* (более 1000 употреблений каждое[26]), остальные же употребления в сумме дают около десятка. Вторая подгруппа этого класса, глаголы типа *нести*, частотными употреблениями причастий будущего времени также не отличается: около 300 вхождений приходится в сумме на *принесущий* и *привезущий*, образованные от двух самых частотных глаголов этого класса, количество же употреблений причастий от других глаголов близко к нулю.

Глаголы **VII класса** также крайне непродуктивны при образовании причастий будущего времени: наиболее частотным причастием от глаголов этого класса является *станущий* (300 употреблений), вторую позицию занимает *сядущий* (30 употреблений), причастия же от других глаголов практически не встречаются. Нужно отметить, что производящая основа глаголов этого класса, как правило, односложная, что, как мы видели в случае с другими классами, обычно препятствует образованию причастий. Ситуация с глаголами **IX класса** идентичная: есть свидетельства существования причастий *возьмущий* (70 употреблений) и *начнущий* (20), на прочие приходится в сумме 5 употреблений.

Глаголы продуктивного **X класса** в целом довольно трудно поддаются процессу образования причастий будущего времени. Приведём некоторую статистику их употреблений: *появящийся* — 287 вхождений, *получащий* — 355,

[26] Впрочем, глаголы гнезда *мочь*, обладающие модальным значением, демонстрируют стойкую тенденцию к грамматикализации, в силу чего причастия от них, возможно, начинают терять своё глагольное значение и адъективироваться. См. подробнее об этом: [Ханзен 2007: 3]

понравящийся — 61, *полюбящий* — 44, *ответящий* — 95, *решащий* — 30, *запомнящий* и *вспомнящий* — по 12 и так далее. Эти цифры несравнимы с суммарными значениями для I-IX классов, противопоставленных десятому по признаку спряжения. Видимо, морф *-ащ-* (*-ящ-*) оказывается гораздо менее предпочтительным при образовании причастий будущего времени, нежели морф *-ущ-* (*-ющ-*).

Наконец, от **изолированных** глаголов причастия будущего времени на практике образуются только от глаголов гнезда *-йти* (*придущий*, *уйдущий* и т. п. — в сумме около 700 употреблений) и гнезда *хотеть* (*захотящий* — 72 употребления). Часто можно услышать мнение, что причастием будущего времени является само слово *будущий*, однако эта точка зрения не выдерживает критики: *будущий* хоть и образовано с помощью причастного суффикса от основы будущего времени, тем не менее обладает очевидно адъективной семантикой и причастием на данном этапе развития языка считаться не может.

Обобщая полученные данные, можно сформулировать следующие закономерности. Во-первых, образование причастий будущего времени, видимо, находится в прямой зависимости от морфонологической ситуации на стыке основы настоящего времени и причастного суффикса в получающейся форме. Определённые фонетические обстоятельства (такие, к примеру, как стечение шипящих и скопление лабиальных гласных перед причастным суффиксом), видимо, воспринимаются носителем языка как неблагозвучные, что заставляет избегать их, соответственно, отказываясь от образования соответствующих причастий (что, впрочем, в таком случае должно быть свойственно и причастиям НСВ; этот тезис требует дополнительной экспериментальной проверки). Во-вторых, определённую роль играет длина основы глагола: можно проследить тенденцию в том, что непроизводные глаголы СВ, обладающие, как правило, относительно короткой (3-5 фонем) основой, образуют причастия будущего времени реже, нежели производные. Формальное выражение перфективности также влияет на вероятность образования причастий, но по-разному: перфективный суффикс *-ну-* очевидно мешает образованию причастия, наличие же уд-

линяющего основу префикса способствует его образованию. Связи, по крайней мере формальной, между конкретными префиксами и степенью вероятности образования причастия на данном этапе обнаружить не удалось; можно отметить, впрочем, что глаголы с чистовидовым префиксом образуют причастия будущего времени чаще, нежели глаголы с префиксом, модифицирующим значение, ср.: *писать* → *написать* → *напишущий* — 231 употребление, но … → *подписать* → *подпишущий* — 7 употреблений.

В-третьих, по-видимому, важным фактором оказывается тип суффикса, используемого для образования причастия. К сожалению, нам не удалось обнаружить в научной литературе сколько-нибудь полного сравнения частотности образования причастий от глаголов I и II спряжений, но, исходя из наших данных, использование суффикса -*ащ*- (-*ящ*-) гораздо менее продуктивно, чем использование суффикса I спряжения. По осторожным оценкам, сделанным нами с использованием НКРЯ, глаголы II спряжения составляют около 15% всех глаголов русского языка и имеют частотность около 23%; вероятно, имеет место общая тенденция, при которой «удельный вес» самого глагола влияет на частоту образования причастия.

Наконец, можно отметить общую тенденцию, состоящую в том, что образование причастий от продуктивных глаголов I и II классов более частотно, нежели от глаголов прочих классов. Вероятно, причины этого следует искать в том, что в I и II классах сконцентрирована большая часть глаголов, имеющих соотносимые по виду парные бесприставочные глаголы НСВ. Эти корреляты, по всей видимости, «подсказывают», каким образом нужно образовывать причастия будущего времени, тем самым провоцируя их появление.

Соответственно, можно констатировать, что наиболее продуктивными при образовании причастий будущего времени оказываются приставочные глаголы, восходящие к праславянскому III классу с основой на -je-//-jo-. Структура основы у таких причастий оказывается следующей: префикс + …Vj + -*ущ*-, где V — гласный.

§ 2.1.3. Зависимость образования причастий будущего времени от способа глагольного действия

В русской грамматической теории существуют два понимания термина «способ глагольного действия» — узкое и широкое. Мы пользуемся узкой трактовкой, принятой в АГ-80: под способом глагольного действия понимаются «… такие семантико-словообразовательные группировки глаголов, в основе которых лежат формально выраженные модификации … значений беспрефиксных глаголов с точки зрения временны́х, количественных и специально результативных характеристик» [Русская грамматика 1980: §1413]. Поскольку бо́льшая часть глаголов СВ русского языка является именно продуктом префиксальной модификации глаголов НСВ, мы можем предположить наличие связи между способом глагольного действия и вероятностью образования причастия будущего времени.

Существует большое количество классификаций способов глагольного действия; наиболее полная и разветвлённая, по-видимому, предложена М. А. Шелякиным [Шелякин 1983: 180-196]. Мы же пользуемся классификацией, принятой в [Русская грамматика 1980], отражающей все основные способы действия, но не загромождающей схему излишней дробностью. Все способы глагольного действия в соответствии с ней можно разделить на три группы: ***временны́е***, ***количественно-временны́е*** и ***специально-результативные***.

Первая группа подразделяется на глаголы начинательного, ограничительного, длительно-ограничительного и финитивного способов действия. Глаголы начинательного способа действия образуются с помощью префиксов *за-* (*запеть*), *по-* (*побежать*), *вз-* (*взвыть*), *воз-* (*возжелать*) и «циркумфикса» *раз-…-ся* (*разрыдаться*). Статистика показывает, что глаголы этой подгруппы не склонны к образованию причастий будущего времени: относительно частотны *захотящий* (228 употреблений), *пойдущий* (612), *поедущий* (129). От прочих глаголов такие причастия менее употребительны, и это странно, так как семантика этих глаголов не конфликтует со значением будущности и даже способствует образованию причастий будущего времени.

Глаголы ограничительного способа действия, образующиеся с помощью префикса *по-* (*полетать*), по-видимому, неспособны образовывать причастия будущего времени — возможно, из-за содержащегося в их семантике компонента длительности. Формы простого будущего времени от этих глаголов, тем временем, образуются свободно, а потому вероятно, что в причастиях будущего времени семантика завершённости выражена сильнее, чем в личных формах. Похожая ситуация складывается и с глаголами длительно-ограничительного способа действия, образующимися с помощью префиксов *про-* (*прожить*) и *пере-* (*перезимовать*); иногда встречается лишь причастие *проживущий* (122 вхождения), видимо, поддерживаемое сходным образованием *проживающий*, прочие же неупотребительны.

Глаголы финитивного способа действия (образующиеся с помощью префикса *от-*, иногда в сочетании с *-ся*) образуют причастия лишь эпизодически (8 употреблений для *отработающий*); впрочем, глаголы этой подгруппы в принципе малоупотребительны в языке (не встречаются в первой тысяче глагольного частотного списка).

Вторая группа, объединяющая количественно-временные способы действия, делится на две подгруппы: способы действия, обозначающие одноактность или краткость, и способы действия, обозначающие повторяемость или длительность. Глаголы второй подгруппы, будучи в 100% случаев несовершенного вида, неспособны к образованию причастий будущего времени. В первой же подгруппе выделяются глаголы уменьшительно-смягчительного и одноактного способа действия. Уменьшительно-смягчительные глаголы, по всей видимости, с достаточной регулярностью причастий будущего времени не образуют: 15 употреблений формы *подрастущий*, 2 — *поговорящий*, 1 — *перекурящий*.

Одноактные глаголы образуются с помощью суффикса *-ну-*; как было показано в §2.1.1, такие глаголы образуют причастия будущего времени относительно регулярно, но с очень низкой частотностью. Такая статистика кажется странной, ведь именно в одноактных глаголах отчётливее всего выражена се-

мантика совершенного вида, связанная со значением завершённости и результативности действия. Корни этой столь нелогичной тенденции, видимо, следует искать не в частном видовом значении и способе глагольного действия, а в структурных особенностях таких глаголов: как уже было отмечено, одним из важнейших факторов, влияющих на возможность образования причастия будущего времени, по нашему мнению, является наличие соотносимого по виду беспрефиксного глагола НСВ. Это позволяет образовать причастие будущего времени по модели существующего причастия настоящего времени НСВ, руководствуясь законом аналогии, ср. *писать* → *пишущий* || *написать* → *напишущий*. В случае же с одноактными глаголами III-IV классов, отличительным признаком которых является формант *-ну-*, принципом аналогии воспользоваться нельзя, что затрудняет образование причастий. Вероятно, более точные количественные данные можно получить при привлечении психолингвистической методологии; впрочем, эта проблема явно заслуживает отдельного экспериментального исследования.

Третья группа объединяет глаголы терминативного, комплетивного, интенсивно-результативного, накопительно-суммарного и дистрибутивного способов действия. Глаголы терминативной подгруппы образуются с помощью префикса *про-* и в ряде случаев образуют причастия будущего времени: *прочитающий* — 727 употреблений, *прозвучащий* — 560 и т.д. Довольно регулярно образование причастий от глаголов комплетивного и интенсивно-результативного способов действия, включающих формант *до-*: *дойдущий* — 58 употреблений, *дождущийся* — 26, *доведущий* — 47, *доберущийся* — 19, *довезущий* — 23; от глаголов с другими формантами причастия будущего времени образуются реже, ср. спорадические образования вроде *напьющийся* (8 употреблений). Глаголы накопительно-суммарного и дистрибутивного способов действия причастий будущего времени практически не образуют; можно предположить, что наличие количественного компонента в семантике глагола также затрудняет образование таких причастий.

Можно выявить следующие общие закономерности зависимости образования причастий будущего времени от способа глагольного действия. Как правило, наиболее вероятно их образование в случае, если семантика глагола подразумевает моментальность совершения действия или его полную и окончательную завершённость. Количественная конкретизация или конкретизация определённого временного промежутка (выраженная эксплицитно или подразумеваемая), возможно, затрудняет образование причастий будущего времени; конкретизация временного промежутка может сводиться к простому присутствию значения длительности. У однократных глаголов с суффиксом *-ну-* возникают дополнительные трудности с образованием причастий, связанные с действием (а точнее — отсутствием возможности действия) закона языковой аналогии.

§ 2.1.4. Зависимость образования причастий будущего времени от прочих факторов

На образование причастий будущего времени могут оказывать влияние и другие морфологические характеристики глагола.

Так, ***возвратность***[27] глагола скорее препятствует образованию таких причастий. Возвратные глаголы, по данным [Шелякин 1991], составляют всего лишь около 10% всех глаголов совершенного вида, что изначально снижает вероятность употребления различных их форм, тем более нелитературных. Как можно было заметить в предыдущих разделах, в среднем появление возвратных причастий будущего времени — довольно редкое явление, однако всё же не невозможное. Так, спорадически встречаются причастия *постарающийся*, *дождущийся*, *доберущийся*, *понравящийся*, *возьмущийся* и некоторые другие. Можно отметить, что причастия эти образуются как от глаголов reflexiva tantum, так и от глаголов, мотивированных соответствующими невозвратными. Если же

[27] Мы придерживаемся здесь узкого понимания термина «возвратный глагол», при котором возвратность трактуется как имманентная характеристика глагола действительного залога, находящая формальное выражение в постфиксе *-ся*. Так называемый залоговый *-ся*, с помощью которого образуются формы пассива, не имеет прямого отношения к принятому нами узкому пониманию возвратности. Подробнее см. [Янко-Триницкая 1962], [Бондарко, Буланин 1967].

проследить зависимость образования причастия от отнесённости глагола к той или иной семантико-функциональной группе возвратных глаголов по [Князев 1996], то можно заметить, что от объектных возвратных глаголов (т. е. тех, у которых по сравнению с невозвратным глаголом меняются местами объект и субъект) причастия будущего времени образуются крайне редко (90 употреблений для *откроющийся*, образованного от высокочастотного глагола; прочие, вроде *разобьющийся* (2) редки). Вероятно, наличие деятельного участника ситуации, осуществляющего активное действие, мыслится носителем языка как необходимое при образовании причастия, безобъектность же является скорее запрещающим фактором. Это подтверждается тем, что при образовании причастий от субъектных возвратных глаголов почти полную непродуктивность обнаруживают, во-первых, автокаузативные глаголы типа *пошевелиться* (термин из [Золотова 1973]), во-вторых, косвенно-возвратные глаголы типа *прищуриться* (1 вхождение причастия), в-третьих, глаголы «непроизвольного действия» типа *обжечься*.

Впрочем, скорее всего, непродуктивность возвратных глаголов при образовании причастий будущего времени связана не столько с их семантикой, сколько со сложной морфемной структурой итоговых форм. Большая их часть будет строиться по схеме «префикс + корень + суффикс + флексия + постфикс», зачастую осложнённой дополнительными префиксами или суффиксами. Трудность построения такой формы очевидна; отметим, что возвратные причастия, по данным НКРЯ, составляют всего 2,77% (!) всех употреблений действительных причастий будущего времени. К сожалению, мы не располагаем данными о функционировании причастий будущего времени в живой речи; впрочем, по нашему предположению, процент употреблений возвратных причастий будущего времени в спонтанной речи будет близок к нулю — ведь в таких формах образуется минимум двусложный (а зачастую трёх-, четырёх- и даже пятисложный[28]) безударный комплекс, наполненный шипящими и звуками с сильно различными артикуляционными центрами. Очевидно, такие формы крайне

[28] Например, *вы́моющемуся*; что интересно, число употреблений этой формы, как ни странно, отлично от нуля.

трудны для произношения; в процессе же «внутренней диктовки» при порождении соответствующего причастия соображения благозвучия и удобства произнесения явно превалируют над желанием выразить точное значение с помощью причастия.

Тесно связанная с возвратностью категория ***переходности***, напротив, на образование причастий будущего времени прямо не влияет. Наличие второго участника ситуации является желательным, но далеко не обязательным условием образования причастия будущего времени. В целом эти причастия немного активнее образуются от «эффективно переходных» глаголов типа *убить* (137 употреблений), т. е. обозначающих реальное воздействие, нежели от «неэффективно переходных» типа *принять* (*решение*) (92), *услышать* (54) (терминология и примеры из [Степанов 1981: 304-307]). Однако закономерность здесь вывести нельзя: частотны и причастия от глаголов, не описывающих реальное физическое воздействие (*полюбящий*), и от синтаксически и семантически непереходных глаголов (*умрущий*).

Отдельно хотелось бы осветить вопрос о т. н. «страдательных причастиях будущего времени». Мы уже упоминали, что в строгом смысле слова таких причастий в языке нет — хотя М. Н. Эпштейн в своих работах и настаивает на их введении, ср. *испытать* — *испытающий* — ***испытаемый**. Наша позиция по этому поводу сформирована статистическими данными (ни одно из таких образований не характеризуется частотностью, превышающей 1-2 употребления). Однако существование в языке адъективных отглагольных форм с суффиксами -*ом*-(-*ем*)/-*им*- (ср.: *обозримый*, *мнимый*) с модальным значением или значением возможности, вероятно, поддерживает образование и действительных причастий будущего времени в силу сходства их значений.

Обобщая проведённые наблюдения, мы можем заключить, что образование причастий будущего времени в русском языке зависит от ряда морфологических и морфонологических характеристик производящего глагола, из которых важнейшими являются следующие: а) словоизменительный класс глагола в

сочетании с его морфемной структурой: наиболее активно причастия будущего времени образуются от производных префиксальных глаголов продуктивных (I-II) классов; б) существование в языке соотносительного глагола НСВ, связанного с исследуемым словообразовательными отношениями (в первую очередь — префиксальный (или префиксально-постфиксальный) способ словообразования); в) морфонологически «удобная» основа, в соединении с причастным суффиксом -*ущ*- (-*ющ*-) / -*ащ*- (-*ящ*-) образующая форму, которую носитель языка при порождении соответствующего причастия определяет как благозвучную. Также определённую, но не определяющую роль играют способ глагольного действия исходного глагола, его возвратность (и конкретный тип возвратности), а также в меньшей степени — переходность (или даже скорее количество непосредственных участников коммуникативной ситуации).

Рассмотрев закономерности в образовании причастий будущего времени, мы можем перейти к анализу их функционирования в языке.

§ 2.2. Функционирование причастий будущего времени в СРЯ

Вопрос о функционировании причастий будущего времени в языке целесообразно, по нашему мнению, рассматривать в двух аспектах: грамматическом и функционально-стилистическом. Анализ употребления с точки зрения грамматики даст возможность определить круг синтаксических позиций и конструкций, в которых в современном русском языке наиболее вероятно появление причастий будущего времени. Анализ же употребления со стилистической точки зрения позволит понять, в каких функционально-стилистических и жанровых контекстах носители языка наиболее склонны употреблять такую не входящую в литературный язык форму, как причастие будущего времени.

§ 2.2.1. Употребление причастий будущего времени в различных грамматических конструкциях

В этом разделе мы в определённой степени используем статистические данные, полученные в уже цитированных нами работах [Крапивина 2009] и [Кирьянов 2009][29], где содержится анализ зависимости употребления причастий будущего времени от нескольких факторов в сравнении с причастиями, разрешёнными нормативной грамматикой. На основании полученных данных К. А. Крапивина и Д. П. Кирьянов делают вывод о «самостоятельности рассматриваемых форм» [Крапивина 2009: 16]. Мы же, дополняя собственные результаты данными, полученными в этих работах, концентрируемся на возможно полном описании синтаксических конструкций, в которых используются причастия будущего времени.

В качестве первого из аспектов, релевантных для анализа употребления причастий будущего времени, логично рассмотреть падежную форму, в которой они используются, и сопоставить результаты со статистикой падежного употребления других именных частей речи — в первую очередь существительных и прилагательных. Полученные данные (частично заимствованные из предыдущих исследований) представлены в таблице 3.

[29] По сути это одно коллективное исследование.

Таблица 3. Распределение употребления причастий будущего времени по падежам в сравнении с действительными причастиями прошедшего времени, прилагательными и существительными (по НКРЯ).

Пад.	1. PART.FUT	2. PART.PERF	3. ADJ	4. SUBST
И.	38,14% (119)	35,93% (3704)	18,6% (5608001)	28,70% (27883992)
Р.	23,4% (73)	22,63% (2333)	17,42% (5250752)	21,08% (20479623)
Д.	8,97% (28)	5,35% (552)	10,33% (3113959)	7,77% (7553673)
В.	13,78% (43)	19,6% (2021)	28,54% (8604597)	27,04% (26272492)
Т.	12,18% (38)	10,48% (1080)	11,16% (3362888)	5,78% (5620535)
П.	3,53% (11)	6,01% (620)	13,95% (4206626)	9,63% (9360901)
Σ	**100% (312)**	**100% (10310)**	**100% (30146823)**	**100% (97171216)**

С точки зрения количественных методов статистически значимых различий распределения в столбцах 1 и 2 не обнаруживают, что позволяет заключить, что использование причастий будущего времени в конкретных падежных формах не отличается от использования других, «полноправных» причастий. Однако из приведённой статистики можно сделать один довольно важный вывод: более 75% употреблений причастий приходится на падежи, в русском языке чаще маркирующие актанты (N, G, A), причём предпочтение явно отдаётся номинативу (ср. с коррелирующей статистикой для существительных). Это иллюстрирует глубинные свойства семантики причастий: будучи глагольной формой, они в первую очередь обслуживают предикативные коммуникативные потребности и лишь во вторую — определительные отношения (в широком смысле слова); в этом аспекте показателен существенно более низкий процент употреблений прилагательных в именительном падеже.

Другим важным фактором, релевантным для анализа употребления причастий будущего времени, является наличие зависимых от причастия слов, а проще говоря, вхождение его в причастный оборот. По данным, приводимым Крапивиной, процент одиночных употреблений причастий будущего времени составляет всего **4,17%** (для сравнения приводятся данные для причастий прошедшего времени СВ: 30,13% одиночных употреблений). По её мнению, это объясняется тем, что значительная часть причастий прошедшего времени пол-

ностью или частично адъективирована, причастия же будущего времени в связи с их «репрессированным» статусом и редкостью в языке процессам адъективации поддаются с трудом[30]. Однако такой вывод, по нашему мнению, нельзя делать на основании статистики употребления только причастий прошедшего и будущего времени. Для восполнения этого пробела мы провели новый поиск с целью получения статистики употреблений причастий также и настоящего времени. Полученный результат (на основе того же количества причастий, что и в исходном поиске, — 312) таков: причастия настоящего времени употребляются вне причастного оборота в 35,8% случаев; в его составе, соответственно, в 64,2% случаев.

По нашему мнению, полученные полные данные свидетельствуют даже не о трудности адъективации причастий будущего времени, а о её принципиальной невозможности на данном этапе развития языка: причастия будущего времени совершенно не мыслятся вне глагольности, адъективный же элемент в них выражен крайне слабо, можно сказать даже, что лишь грамматически. Практически в ста процентах случаев позиция причастия будущего времени — это второй (побочный) предикативный центр высказывания, описывающий фоновое действие (что характерно для причастий).

Если же говорить об адъективации причастий в целом, то можно отметить, что только к одной лексеме можно с уверенностью применить определение «адъективированное причастие будущего времени», — к уже обсуждавшемуся слову *будущий*, которое, действительно, образовано от основы будущего времени с помощью суффикса *-ущ-*; впрочем, это явно исключение из правила, так как глагол *быть* по многим параметрам сильно отличается от всех остальных глаголов русского, и связь его с данным словом ослаблена. Однако в русском языке есть и другие адъективированные причастия, чья семантика сближается с семантикой причастий будущего времени, — лексемы типа *надлежа-*

[30] Впрочем, есть ещё одна группа причастий, которая практически не подвергается адъективации, — действительные причастия прошедшего времени от глаголов несовершенного вида. Из употребительных прилагательных, восходящих к этой группе, можно назвать лишь лексему *бывший* (к тому же видовая отнесённость производящего глагола в данном случае неясна). Действительные причастия прошедшего времени от глаголов совершенного вида также адъективируются довольно плохо. Видимо, эти причастия (и этот формант) мыслятся как наиболее тесно связанные с глаголом.

щий, *предстоящий*, *следующий*, *последующий* и некоторые другие, имеющие в своём значении компонент долженствования, намерения или просто будущности. Во многих языках мира (см. § 1.3) причастия будущего времени имеют именно такой оттенок значения. Наличие в языке отпричастных прилагательных с такой семантикой (в том числе высокочастотных типа *следующий*, *будущий*) поддерживает процессы образования причастий будущего времени, создавая семантическую нишу, заполняемую ими; таким образом, появляются условия для закрепления причастий будущего времени в языке. Возможно, свою роль здесь играют не только прилагательные, генетически являющиеся действительными причастиями, но также и те, что близки по форме к страдательным, — *неизмеримый*, *совместимый*, *необходимый* и т. п. Структурно они отличаются лишь типом суффикса, соотносящего их со страдательным залогом, а не с действительным; при этом их семантика сходна с описанной выше.

Следовательно, структурно образование причастий будущего времени в русском языке опирается на три группы слов: а) с точки зрения формообразования — на действительные причастия настоящего времени (*идущий*, *сидящий*), использующие те же форманты; б) с точки зрения синтаксиса — на деепричастные формы совершенного вида (*придя*, *сказав*), чья синтаксическая роль сходна с ролью причастий будущего времени; в) с точки зрения семантики — на различного рода адъективированные формы (*предстоящий*; *совместимый*), в которых развиваются дополнительные модальные оттенки значения, связанные с планом будущего.

Одним из основных аспектов употребления причастий будущего времени является также структура причастного оборота. По данным НКРЯ, прочие причастия почти в 93% случаев занимают в обороте начальную позицию, в случае же с причастиями будущего времени этот показатель снижается до 54%. Ср.: *Великолепные дворцы, перламутровые церкви, разряжённые соборы, отражающиеся в зеркале каналов, — всё это кажется миражом, вот-вот* ***растворящимся*** *в воздухе* (НКРЯ); *Ты же регулярно палишься, как скучающий водила большого босса, живущий вроде бы [неценз.; =неплохо], но выше [не-*

ценз.; =головы] никогда не ***прыгнущий*** (http://www.lovehate.ru/blog/47945, проверено 06.06.2010). Столь различающимся результатам Крапивина и Кирьянов предлагают следующее объяснение: «… начав зависимую предикацию с любой фразовой категории, не доминирующей над союзным словом (обстоятельства времени и т.п.), говорящий уже не может воспользоваться «разрешённым» способом выражения необходимого значения и вынужден употребить не вполне корректную форму [т. е. причастие будущего времени. — *А. В.*]» [Крапивина 2009: 18-19]. Под «разрешённым» способом выражения необходимого значения» здесь понимается придаточное определительное с союзным словом *который*, наиболее адекватная замена причастному обороту в русском языке. Действительно, структура придаточных определительных жёстко регламентирована: первую позицию в них по умолчанию всегда занимает союзное слово (из которых *который* является наиболее типичным)[31]. Если в процессе порождения высказывания его позиция оказывается занятой другим членом предложения, носитель языка в свою очередь оказывается вынужденным «на ходу» перестраивать предложение и заменять планировавшееся союзное слово причастием, тем самым трансформируя сложное предложение в простое с обособленным членом. Если же при этом действие побочного предикативного центра является постериорным по отношению к главному, возникают условия для употребления причастия будущего времени. Ср.: *Бегут минуты: время не спит, устав // - и днём и ночью, бедное, тянет лямку, // и молча смотрит, как трогается состав, // к восьми часам* ***приедущий*** *на «Лубянку»* (пример из Google, http://community.livejournal.com/orveni/299852.html, проверено 06.06.2010).

Здесь нам кажется необходимым рассмотреть вопрос о причастном таксисе в русском языке. Данные, полученные из корпусных источников, свидетельствуют о том, что причастия будущего времени в русском языке могут упот-

[31] Впрочем, перед союзным словом могут располагаться некоторые члены предложения — в случаях, когда они являются управляющими по отношению к союзному слову. Ср.: *В комнату вошла девушка,* ***не восхищаться*** *которой было невозможно*. В сложных случаях возможна и бо́льшая линейная протяжённость этого досоюзного комплекса, ср.: *В комнату вошла девушка,* ***не восторгаться и не восхищаться лёгким, воздушным и немного волшебным серым платьем*** *которой было невозможно*. Однако такой способ построения фразы носит однозначно книжный характер и в разговорной речи практически не используется.

ребляться в конструкциях валентностного и невалентностного таксиса[32]. К. А. Крапивина утверждает, что при этом в конструкциях невалентностного таксиса, в отличие от причастий прошедшего времени СВ и причастий настоящего времени, для причастий будущего времени (а также для причастий прошедшего времени НСВ) всегда обязательно отнесение действия к своему временному плану, в данном случае плану будущего; другими словами, в конструкциях невалентностного таксиса время причастий будущего времени всегда является абсолютным, ср.: *Наверное, так же прямо его писатель посмотрит в глаза скоро* ***придущей*** *Смерти* (http://www.zaslavsky.ru/rez/vahtangov2.htm, проверено 06.06.2010).

Этот тезис представляется нам неверным. Рассмотрим следующие примеры с причастиями будущего времени: *Оксана не спорила ни с сестрой, ни с мамой. Но ее мало волновали амбиции парня, сделающего это, ее больше интересовали собственные возможности,* ***открывающиеся*** *с этим шагом* (http://zhurnal.lib.ru/i/iljushin_a_n/mylowshokolade.shtml, проверено 06.06.2010), *Тогда припомнилось мне предсказание в моем сне, что мертвец наградит меня разумом,* ***сделающим*** *меня царем волков-привидений, меня и еще другого, принесенного мне львом* (http://lib.ru/HAGGARD/nada.txt_Piece40.05, проверено 06.06.2010), *Багиров рассчитывал, что когда-нибудь он провернет крупное дело, и в карман ляжет сумма,* ***сделающая*** *его достаточно самостоятельным и независимым от воли родителей* (http://lib.ru/RUSS_DETEKTIW/BONDAR_A/god.txt_Piece40.01, проверено 06.06.2010) и др. В первом примере очевидно, что действие относится к плану прошедшего времени. Во всех примерах (всё это конструкции невалентностного таксиса) очевидно выражаются таксисные отношения. Следовательно, причастное время является может являться относительным и в конструкциях невалентностного таксиса.

[32] В терминологии В. С. Храковского [Храковский 2003]. Валентностный таксис определяется так такая разновидность таксиса, при которой описываемые ситуации заполняют «ситуативную валентность» определённых требующих того глаголов (чаще всего смены состояния, речевой деятельности, восприятия и т.п.). Невалентностный таксис — разновидность таксиса, в которой представлены самостоятельные ситуации, не связанные подобными валентностными отношениями и не предназначенные специально для выражения таксиса.

Особенность причастий будущего времени в том, что они, будучи специфическим выразителем отношений следования в таксисных конструкциях, при этом не являются частью литературной нормы. Однако, как мы видим, в языке существует потребность как в выражении абсолютного будущего времени в причастии, так и в выражении отношений следования в плане будущего времени, и эта потребность относительно регулярно реализуется при помощи причастий будущего времени. Нормативными средствами (с помощью причастий прошедшего времени СВ) удаётся выразить только отношения в конструкциях невалентностного таксиса — ср. *Первые три читателя,* ***дозвонившиеся (дозвонящиеся?)*** *в редакцию и правильно* ***ответившие (ответящие?)*** *на вопросы, получат по тысяче рублей каждый* (пример из НКРЯ); отношения же в конструкциях валентностного таксиса никаким другим образом в простом предложении выразить невозможно — ср. *Чувствую себя прирожденным рабом, рожденным в рабстве и в рабстве* ***умрущим (*умершим)***.

Вообще, возможность или невозможность замены причастия будущего времени на причастие прошедшего времени — главная дихотомия, прослеживающаяся в грамматическом аспекте употребления таких причастий. На наш взгляд, возможность такой замены связана с двумя основными факторами: конкретного видового значения и таксисно-временны́х отношений между причастием и основным глаголом.

Два основных частных видовых значения совершенного вида — конкретно-фактическое и наглядно-примерное [Морфология СРЯ 2008: 377-379]. Первое имеет чёткую локализацию во времени и обозначает действие как конкретное единичное событие. Наглядно-примерное же значение не локализовано во времени и квалифицирует действие как повторяющееся, узуальное. Оно, как правило, обычно свойственно финитным формам именно будущего времени; в причастиях же, напротив, как правило, выражается конкретно-фактическое значение. Отмечается, однако, что деепричастия, будучи употреблены в наглядно-примерном значении (хотя такое употребление встречается и нечасто), теряют свойственный ему оттенок экспрессивности: *Часто,* ***проснувшись*** *ночью, он*

подскакивал на постели, начинал что-то бормотать про себя и махать руками (пример из Н. Носова). То же, по нашему мнению, характерно и для изредка встречающихся употреблений причастий будущего времени в наглядно-примерном значении. Рассмотрим следующий пример: *Это потом, конечно, опустишься пониже, поколышешь занавески на окне, заглянешь внутрь, взъерошишь перья воробьям, греющимся на солнышке, дунешь в нос* ***зажмурящейся*** *кошке, погладишь по щечкам какого-нибудь карапуза* (http://www.stinfa.ru/?id=20380, проверено 06.06.2010). Здесь причастие ***зажмурящейся*** явно теряет экспрессивную семантику, однако при этом — единственное в предложении! — выражает таксисные отношения следования (кошка зажмурится после и вследствие того, что ей дунут в нос; остальные действия в предложении принципиально взаимозаменяемы). Обычно относительное время при наглядно-примерном употреблении выражается лишь с помощью дополнительных лексических средств (*затем*, *бывало* и др.), причастия же будущего времени позволяют выразить его имплицитно. Замена на причастие прошедшего времени здесь, очевидно, невозможна без изменения смысла на противоположный (во фразе *дунешь в нос зажмурившейся кошке* возникают отношения предшествования).[33] Ср. такие же особенности при употреблении причастий будущего времени в ещё одном значении совершенного вида — потенциальном: *Выступали звёзды эстрады разных мастей, как убеждённые антисоветчики вроде групешника «Чай-Ф», так и просто продажная артистическая тусня,* ***споющая*** *и* ***спляшушая*** *даже на похоронах собственной матери, если заплатят* (http://ams-1.livejournal.com/5764.html, проверено 06.06.2010).

Значение причастия будущего времени сильно варьируется в зависимости от временного плана, в котором оно употреблено. Более показательны здесь

[33] Будущее время, как отмечают исследователи, отличается от настоящего и прошедшего тем, что события, описываемые с помощью его форм, ещё не произошли, а потому любое оперирование его формами включает в большей или меньшей степени элемент предположительности, условности [Плунгян 2000: 268-269]; с употреблением глагольных форм, соотносящихся с будущим временем, тесно связано понятие модальности. Как отмечалось в §1.3, многим мировым языкам свойственно употребление причастий будущего времени в различных модальных значениях: намерения, долженствования и т. п. Однако русским причастиям будущего времени употребление в модальном значении, видимо, не свойственно: чаще всего глаголы совершенного вида имеют конкретно-фактическое значение, что исключает какие-либо варианты отношения содержания высказывания к действительности, кроме прямого фактического.

примеры с отношениями невалентностного таксиса, так как ситуации с валентностным а) встречаются сравнительно редко, б) всегда относятся к плану будущего, ср.: *Теперь он будет считать меня никогда не* ***вырастущим*** *ребёнком* (http://nicky4ever.narod.ru/stories/anangelsride/chapter7.html, проверено 06.06.2010).

В ситуациях с невалентностным таксисом возможны употребления причастий во всех трёх временных планах. Преобладает здесь, очевидно, план настоящего; причастие будущего времени в этом случае выражает следование по отношению к действию, описанному основным глаголом, ср.: *Нужен щенок крупной собаки в загородный дом. Хотели алабая, сейчас ищут любого щенка,* ***вырастущего*** *крупным* (http://pesikot.org/forum/index.php?showtopic=119446, проверено 06.06.2010), *Потому что фильм всё же не детский, а для «взрослых детей» поколения тридцатилетних, никогда не* ***вырастущих*** *из мультов и детских сказок, приправленных пряностями Бёртона* (http://okeangel.livejournal.com/278008.html, проверено 06.06.2010). При основном глаголе при таком употреблении довольно часто можно встретить комплексы с модальным оттенком значения типа *нужно*, а также неопределённые антецеденты, оформленные словами *любой*, *какой (кто) бы ни* и т. п., указывающие на некое потенциальное действие в будущем.

Употребления причастий будущего времени в плане будущего подразделяются на два типа. К первому относятся употребления, где причастие выражает следование по отношению к будущему действию: *...ведь* ***сумеющие*** *объяснить то Кеплеры и Ньютоны появятся здесь ещё ох как нескоро* (http://zhurnal.lib.ru/l/lazyrat/black_wind.shtml, проверено 06.06.2010), *буду великодушна и прощу вас за, возможно,* ***вырастущего*** *из вас когда-нить* (‘когда-нибудь’) *мужчину* (http://forums.zooclub.ru/archive/index.php/t-11332-p-5.html, проверено 06.06.2010). Второй тип — это предшествование по отношению к будущему действию: *Что будет грузинским скоморохам,* ***споющим*** *подобную песню про Медв. в Суздале?* (http://y.tagora.grani.ru/War/d.160671.html, проверено 06.06.2010), *Мужчина,* ***сумеющий*** *обнять мыслью это богатое содержа-*

ние, обогатится сам и обогатит своё сердце, свой ум (http://communikatione.narod.ru/lib/top/04kier.txt, проверено 06.06.2010). Второй тип интересен тем, что в нём возможна замена причастия будущего времени на причастие прошедшего времени СВ[34]: *мужчина,* ***сумевший*** *обнять мыслью содержание, обогатится*. Здесь, однако, существует дополнительное разграничение функций: причастия прошедшего времени СВ могут соотноситься с любой точкой на временной оси, предшествующей действию основного глагола, причастия же будущего времени обязательно описывают действие между моментом речи и действием основного глагола. Ср.: *мужчина, в прошлой жизни* ***сумевший (*сумеющий)*** *обнять мыслью содержание, обогатится*, но *мужчина,* ***сумеющий (сумевший?)*** *после этих слов обнять мыслью содержание, обогатится*; при наличии уточняющих квалификаторов, как правило, предпочтительнее оказываются причастия будущего времени.

Употребление причастий в плане прошлого, как уже было сказано, встречается довольно редко. Исходя из найденных примеров употребления, можно заключить, что формально причастия будущего времени в плане прошлого выражают следование по отношению к действию основного глагола. При этом связь причастного действия с моментом речи остаётся неясной: *Каким образом проходил отбор вокалиста,* ***поющего*** *гимн Олимпиады? Кто выбирал, когда?* (http://forum.radiomayak.ru/theme.html?id=4792, проверено 06.06.2010; вопрос был задан в тот момент, когда гимн ещё не был исполнен), или: *А сегодня, как подозревала девушка, ей предстоял насыщенный день,* ***потребующий*** *много сил* (http://zhurnal.lib.ru/t/tarbeew_e_w/door-3.shtml, проверено 06.06.2010). Можно лишь сказать, что такие употребления в русском языке имеют наиболее сильный модальный оттенок значения: их эквивалентом являются конструкции *который должен был / будет спеть*, *который должен был потребовать*. Временны́е отношения между реальным действием и долженствующим осуществиться при этом остаются затемнёнными.

[34] А также (правда, со сдвигом семантики) и на деепричастие совершенного вида, если существительное стоит в номинативе и является подлежащим: *мужчина,* ***сумев*** *обнять мыслью содержание, обогатится*.

В целом в синтаксическом аспекте причастия будущего времени, как видно, употребляются в тесной связи с предикативным центром предложения, зачастую являясь выразителем таксисных отношений следования, однако при этом не теряя и своей собственной семантики будущности. В обоих вариантах употребления находят отражение и глагольная, и адъективная составляющие грамматического значения причастий. Основным же выводом является тот факт, что в бо́льшей части употреблений причастий будущего времени — причём в ощутимо бо́льшей — синонимическая замена причастия будущего времени на причастие прошедшего времени СВ или другую фразовую категорию невозможна. Это говорит о том, что с функциональной точки зрения причастия будущего времени имеют собственную нишу — отношения следования — для которой они являются специфическим средством выражения синтаксического значения. Следовательно, причастия будущего времени, хотя зоны употребления и пересекаются, функционально дифференцированы от других причастий.

§ 2.2.2. Употребление причастий будущего времени в различных функционально-стилистических контекстах

Разнообразие типов текстов, в которых отмечается употребление причастий будущего времени, велико. Как мы уже видели, они могут встречаться в классических художественных произведениях (у Ф. М. Достоевского: *...и, наконец, взяв дочку за руку, увела ее от мужа к себе, взяв лично на себя ответственность назавтра перед грозным отцом,* ***потребующим*** *отчета* («Скверный анекдот»), у Г. В. Иванова: *Всё остальное — планетарный ад, // Проклятый Кремль, злощастный Сталинград, // Заслуживает только одного — // Огня,* ***испепелящего*** *его* («Россия тридцать лет…») и т. п.). Однако большая часть их употреблений приходится всё же на тексты, которые нельзя отнести к числу эталонных. При этом сразу оговорим, что намеренное использование причастий будущего времени как осознанный факт отступления от нормы, как элемент языковой игры периодически используется в разных типах текстов в тех или иных экспрессивных целях — например, в подчёркнуто филологичной современной поэзии, ср.:

Вот я — ***пойдущий*** *и* ***найдущий****.*
Вот я — дорогу ***перейдущий****.*
Не то в грядущее бредущий,
не то в бредущее грядущий.
Вот я — мудрёных ***улыбнущий***
и удручённых ***рассмеящий****,*
одних язвительно ***споткнущий****,*
других наивно ***обаящий*** <…> (А. Левин, «Памятник», http://www.levin.rinet.ru/MORE/Pamyatnik.html, проверено 06.06.2010).

Нас, однако, интересуют только случаи спонтанного образования и употребления таких причастий, иллюстрирующие определённые языковые тенденции.

Бóльшая часть употреблений причастий будущего времени, доступных при поиске в интернете и НКРЯ, встречается в трёх основных функционально-

стилистических контекстах: а) в текстах, условно объединённых нами под термином «публицистика»; б) в художественных текстах; в) в нелитературных текстах, которые можно характеризовать как «письменная речь, отклоняющаяся от норм книжно-литературного языка».

I. Под «публицистическими» текстами мы условно объединяем три пересекающихся типа дискурса. Публицистика в собственном смысле слова, то есть сочинения на общественно актуальные темы с подчеркнутым эмоционально-экспрессивным началом, — это только часть всего текстового массива, причем довольно небольшая.

Во-первых, это язык средств массовой информации. Электронные СМИ крайне разнообразны по своей природе. Это могут быть издания, существующие в печатном виде и дублирующие информацию на своих веб-порталах, и издания изначально электронные — для первых, очевидно, более вероятно наличие фазы литературного редактирования. Различные издания могут быть более или менее консервативны в отношении соблюдения литературных норм — бóльшая строгость свойственна изданиям с более долгой историей. Издания могут быть периодическими или постоянно обновляющимися (последним свойственна меньшее внимание к соблюдению нормы из-за большого объёма обрабатываемой информации). Существуют к тому же несетевые СМИ (радио, телевидение), зачастую дублирующие порождённую ими нетекстовую (аудио- и видео-) информацию на своих интернет-порталах, иногда и в текстовом виде.

Употребления причастий будущего времени обнаруживаются в изданиях любого типа. Приведём примеры из газеты «Коммерсант» (двадцатидвухлетняя история, примат печатного издания и др.): *А борьба пойдет между Черномырдиным <…> и руководителем администрации президента Анатолием Чубайсом,* ***сделающим*** *все, чтобы на период отсутствия Ельцина занять место у руля* (http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=12931, проверено 06.06.2010), *Правительству* [надлежит в 10-дневный срок] *подготовить законопроект,* ***сделающий*** *представление таких деклараций обязательным для госслужащих, де-*

путатов, судей, членов КС (http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=243647, проверено 06.06.2010).

Во-вторых, к «публицистике» мы относим тексты, размещаемые на сайтах преимущественно информационно-просветительской или информационно-деловой и профессиональной направленности разнообразной тематики, содержащих большие объемы текстовой информации монологического типа. Приведём примеры употребления причастия будущего времени в таком контексте: *Индия, занимающая третье место ... среди крупнейших мировых экономик и скоро* ***станущая*** *самой населенной державой мира, заключила, что, чтобы занимать должное место в мировых делах, она должна также стать членом ядерного клуба* (http://himza.ru/tree/tree.php?id=111141, проверено 06.06.2010), *Перед увольнением Сергея Оборина из "Амкара" вряд ли кто предполагал, что* ***придущий*** *на его место Рашид Рахимов будет способен вытащить команду из подвала турнирной таблицы. Однако ему это удалось* (http://www.championat.ru/football/2006/12/01/article-7582.html, проверено 06.06.2010).

В-третьих, к категории публицистических мы относим тексты, как правило, короткие, рекламно-деловой направленности с признаками создания соответствующего экспрессивного эффекта, например: *Это радио для настоящих компьютерщиков! Только у нас песни для настоящих ITшников, песни на компьютерную тематику,* ***возьмущие*** *за душу любого сисадмина!* (http://www.fmhost.me/radio145, проверено 06.06.2010).

Для публицистических текстов, в отличие от научных, характерно более свободное отношение к литературной норме. Можно было предположить, что использование ненормативных форм или лексем в публицистическом тексте будет служит стилистическим целям — привлечению внимания читателя к тексту. Однако на деле оказывается, что в подавляющем большинстве случаев употребление причастий будущего времени оказывается стилистически нейтральным. Экспрессивный элемент можно усмотреть только в рекламных текстах, в первую очередь в заголовках. Ср.: *Church — новый язык,* ***сделающий*** *но-*

вые системы искусственного интеллекта более интеллектуальными (http://nnm-club.ru/forum/viewtopic.php?t=188727, проверено 06.06.2010), *Десять черт характера,* ***сделающих*** *вас богатым* (http://www.newsland.ru/News/Detail/id/381496/cat/87, проверено 06.06.2010) — оба эти примера содержат прагматическую установку на гарантированное осуществление заявленного действия.

Тенденция к экономии языковых средств, лексической компрессии при сохранении всех необходимых компонентов значения, а также определённая «лозунговость» — черты «публицистической» сферы употребления. При этом необходимо ещё раз упомянуть, что больша́я часть вновь создаваемых текстов этого функционального стиля исходно существует в электронном виде в интернете. Вероятно, размытие или даже отсутствие фазы литературной редактуры при подготовке такого текста компенсируется потенциальной возможностью исправления ошибок в тексте, технически обеспечиваемой средствами интернета. В большинстве случаев употребление в этом дискурсе ненормативных форм, в том числе причастий будущего времени, не окрашено стилистически. Ситуации же, когда причастия будущего времени употребляются в тексте в осознанно экспрессивных целях, более редки.

II. Современные художественные тексты, в которых встречается использование причастий будущего времени, являются как поэтическими, так и прозаическими, причем процент прозаических явно выше. В таких текстах причастия будущего времени употребляются также для достижения художественного эффекта (ср. уже цитированное стихотворение Александра Левина). Впрочем, в стихотворных текстах имеется ещё один важный фактор, поощряющий использование таких причастий, а именно — внутренняя ритмическая организация текста, как правило, враждебная использованию придаточных предложений в силу их большей линейной протяжённости. Приведём некоторые примеры использования причастий будущего времени в современной поэзии:

Немало нам песен пропевший,

споющий *еще не одну,*

он, физик, к стиху прикипевший,

ученый, влюбленный в струну.

(Б. Ш. Окуджава, «Знаком он …», http://www.bokudjava.ru/Z_25.html, проверено 06.06.2010)

Когда и где, в какой момент

родится юный враг,

***Придущий** скоро власть веков отнять,*

И растоптать наш гордый стяг.

(«Стихи Барбароссы», http://warrax.net/Satan/Dark/Barbarossa.htm, проверено 06.06.2010)

Я размеренно высидел, впитывал тонкий,

*Тонкий облик твой, **станущий** скоро чужим.*

А теперь вот на скудной тюремной вагонке

Поражён отреченьем твоим и своим.

(А. И. Солженицын, «Отречение»)

Слова есть дребезжанье гласных,

Но есть из них волшебные такие,

Что делают богатыми несчастных,

Являют чудеса, движения предметов

*И могут вызвать дождь, **придущий** неприметно.*

(В. Кузнецов, «Мудрецы», http://www.my-works.org/text_8026.html, проверено 06.06.2010)

Не написал свой главный стих,

***Убьющий** наповал.*

Не всё я сделал для родных,

Не всё перестрадал.

(http://ti-poet.ru/stih.php?a=2359&b=27688, Д. Гришкин, «Смертельный разговор» , проверено 06.06.2010) и др. Использование таких причастий в современной поэзии показывает, что их семантика осознаётся носителями языка, а одно

из главных их достоинств — компрессированное выражение грамматического и лексического значения — оказывается исключительно востребованным.

Причастия будущего времени, впрочем, встречаются не только в современной поэзии, но также (и гораздо чаще) в прозе, ср.: *и человеку, уже сверхчеловеку, откроются десятки новых чувств,* ***сделающих*** *его бессмертным* (П. Вайль, А. Генис. «Родная речь: уроки изящной словесности», электронная публикация: http://lib.ru/PROZA/WAJLGENIS/literatura.txt, проверено 06.06.2010), *и если вдруг на твоем горизонте появится достойный человек,* ***сделающий*** *тебе предложение руки и сердца…* (И. Грибкова, «Круговорот любви», http://zhurnal.lib.ru/g/gribkowa_i_a/sofxjamicrosoftword.shtml, проверено 06.06.2010) и т. д.

Художественные произведения, в которых встречаются причастия будущего времени, делятся на два типа: прошедшие перед опубликованием редакторскую правку и публикующиеся (прежде всего в интернете) в авторской редакции. Количество причастий будущего времени, очевидно, гораздо больше именно в текстах второго типа, так как исследуемые формы продолжают оставаться ненормативным. Однако интересно, что при этом как раз в произведениях первого типа (прошедших литературное редактирование) причастия имеют больше шансов «остаться нетронутыми» в поэтическом тексте в силу того, что их замена всегда сопряжена с возникающими ритмическими проблемами.

III. Наконец, самый сложный случай — письменное неофициальное общение пользователей интернета. Определённую часть текстов, порождаемых пользователями интернета, можно сблизить с текстами публицистического характера (см. п. I); следовательно, определённые черты словоупотребления у этих двух типов общие, в том числе по большей части отсутствие прагматической мотивировки употребления, ср.: *Человек,* ***скажущий*** *мне сегодня еще что-нибудь про курсовую, будет убит плевком в спину* (http://valerianoffka.livejournal.com/140799.html, проверено 06.06.2010), *С уважением (не ко всем) падоног,* ***убьющий*** *Вас микимаусобойкой* (исходная орфография, http://forum.torment.ru/forum/thread/85011, проверено 06.06.2010),)

Феномен неофициального общения пользователей интернета дал новый образец речевой ситуации с ранее неизвестным набором и сочетанием коммуникативных параметров. К таким параметрам можно отнести совмещение неофициальность интернет-речи с письменной её формой, что раньше наблюдалось лишь в частной переписке; личный характер сказанного в сочетании с принципиальной всеобщей доступностью порождённого текста; размытость в интернете категории авторского (свободное цитирование любого высказывания без ссылки на источник) при потенциально достижимой полной анонимности и др. Многие характеристики этого типа общения сближают его с особенностями феномена разговорной речи (РР), понятия, введённого во второй половине XX века исследователями во главе с Е. А. Земской. РР трактуется как система русского разговорного литературного языка, противопоставленного кодифицированному литературному языку [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 5].

Основные характеристики РР связаны с условиями общения: неофициальностью, спонтанностью, конситуативностью. Этими же факторами обусловлены многие особенности неофициального общения в интернете, но при этом с неожиданно яркими признаками книжности, отсутствующими в разговорной речи. В частности, в РР, как неоднократно отмечалось исследователями, причастия не употребляются: «Парадигма глагола в разговорной речи включает лишь спрягаемые формы, инфинитив и краткие страдательные причастия прошедшего времени. Причастия действительного залога и страдательные причастия настоящего времени в ней отсутствуют» [Земская 1979: 85]. В интернете, как мы видим, эта норма разговорной речи не действует, ср.: *Не имеет значение количество идиотов, окружающих меня, всегда найдется человек,* ***скажущий*** *то же самое и про себя, включив в группу аутсайдеров и меня* — употреблены как причастия действительного залога, так и деепричастия, которым также отказывается в существовании в РР.

Отсутствие официальности в интернете приводит к крайне свободному отношению к нормам литературного языка. Неподготовленность речи обусловливает (хотя, конечно, в меньшей степени, чем в устной речи) выбор формы «на

ходу», так как писать в интернете необходимо быстро и кратко; поэтому тенденция к использованию «свёрнутых номинаций» в интернете действует едва ли не сильнее, чем в разговорной речи. Помимо этого, свойственная интернет-общению скрытая диалогичность (о термине см. [Щерба 1957]) также поощряет дистанцирование от литературного языка. Ср.: А: <…> *Когда если не сейчас взять на ручки, обнять, успокоить и* ***пусть весь мир подождет***. <…> Б: <…> *А все эти слова о ручках и* ***подождущем*** *мире — это если ты спокойна, умиротворена, малыш твой не орал перед этим сутки и ничего на голове не висит.* (http://forum.deti.mail.ru/topic.html?fid=29&tid=42879&pg=3, проверено 06.06.2010).

Автор, даже осознавая, что форма, употреблённая им, необычна, не отказывается от её употребления: *Хорошо, есть старшие и мудрые товарищи,* ***не дадущие (ух завернул, да?)*** *совсем опростоволоситься* (http://forum.buhgalteria.ru/lofiversion/index.php/t2265.html, проверено 06.06.2010). При этом общению в интернете иногда бывает свойственно намеренное употребление причастий будущего времени с элементами языковой игры, ср.: *К слову об ушедшем лете и нескоро* ***уйдущей*** *осени* (http://zelcer.livejournal.com/85998.html, проверено 06.06.2010); *А я подожду! Обязательно подожду! Буду самым* ***подождущим****!* (http://rusfan.ru/topics/c3547/tags/%D1%8E%D0%BC%D0%BE%D1%80, проверено 06.06.2010).

Также необходимо отметить, что данный тип общения ничем не ограничен тематически. На форумах и в блогах (являющихся основной локализацией употребления причастий будущего времени) может обсуждаться максимально широкий круг тем, связанных с теми или иными сферами действительности. Отсюда проистекает тесная связь данного типа употребления с профессиональной и, возможно, жаргонизированной речью с соответствующими лексическими особенностями.

В целом можно отметить, что общей причиной частотного в последние десятилетия использования причастий будущего времени, видимо, является

общая либерализация языкового сознания. Более свободное отношение к нормам литературного языка, а также снижение роли нормативного контроля во вновь появившихся языковых условиях (в первую очередь в интернет-дискурсе) создаёт условия для возникновения и развития форм, традиционно русскому языку не свойственных. Причастия будущего времени, обладая определёнными характеристиками, делающими их удобным средством выражения грамматического и лексического значения, становятся актуальным инструментом предикации, который в этих условиях, в отличие от кодифицированного литературного языка, не подвергается жёсткому запрету. Функции же, выполняемые причастиями будущего времени, могут иметь как прагматический, так и художественно-стилистический характер, но в основной массе употребление причастий будущего времени является спонтанным и не преследует каких-либо стилистических целей.

По итогам анализа употребления причастий будущего времени в грамматическом и функционально-стилистическом аспектах можно заключить следующее. Во-первых, такие причастия, будучи допустимы структурно, осознаются носителями языка как один из элементов системы причастного таксиса в русском языке и потому употребляются для маркирования значения следования или простой будущности в соответствующих синтаксических позициях и конструкциях; эта синтаксическая ниша принадлежит только им и не пересекается с употреблением других форм. Во-вторых, использование причастий будущего времени в целом сводится к трём основным функционально-стилистическим контекстам, при этом причины употребления этих причастий в каждом из трёх контекстов различны, но тесно связаны между собой.

Анализ образования и употребления причастий будущего времени в современном русском языке, однако, должен быть дополнен и диахроническим обзором, приводящимся в гл. 3.

Глава 3.
Причастия будущего времени в исторической ретроспективе

§ 3.1. Причастия будущего времени в грамматических описаниях языка

Как уже упоминалось в гл. 1, первые упоминания причастий будущего времени в грамматиках русского языка фиксируются на рубеже XVI-XVII веков. Известно, что два языковых континуума — церковнославянский и собственно русский — всегда были близки друг к другу и во многом пересекались, поэтому грамматические описания языка, относящиеся к тому времени, можно рассматривать как охватывающие всю языковую действительность. Определить точно, какие явления, описанные грамматистами, относились к церковному языку, а какие — к живому повседневному, сейчас уже не представляется возможным, поэтому логично отследить описание изучаемых явлений во всех грамматических трудах.

Один из первых грамматических трудов, привлекающих русский языковой материал, — грамматика Доната, переведённая на русский язык Д. Герасимовым[35]. В разделе «Бесѣда ѡ причастиї слова и имени» говорится о том, что у причастий существует три грамматических времени: настоящее, прошедшее и будущее. Будущее время причастий, по Донату, выражается формами ***чести ми*** (или просто *чести*) или ***чести имамъ*** от verbum activum, ***чтенъ бꙋдетъ*** от verbum passivum, ***станетъ*** (= лат. staturus) от verbum neutrum, ***глаголати иматъ*** от verbum deponens, ***безчествованъ бꙋдетъ*** или ***безчестенъ бꙋдетъ*** от verbum commune [цит. по: Обнорский, Бархударов 1999: 200-202]. Оставляя в стороне латинскую классификацию глаголов, мы видим, что примеры, приводимые в этой грамматике, — не те причастия, что интересуют нас, а лишь описательные формы, выражающие значение будущности и долженствования с помощью аналитических средств (при том, что причастия настоящего и прошедшего времени описаны верно; Герасимов явно столкнулся с отсутствием требуемого

[35] В науке нет чёткого мнения о датировке этого памятника; наиболее обоснованная версия — 1522 г. Впрочем, самые ранние дошедшие до нас списки относятся к 1560-м годам.

языкового материала в русском языке). Однако осознание возможности этого грамматического значения, как видим, произошло уже в этой грамматике.

В 1596 г. была издана грамматика Лаврентия Зизания [Зизаний 2000]. В ней была подробнейшим образом описана глагольная система, включавшая в том числе и причастия будущего времени. Так, к ним относились формы ***спасающій*** (при настоящем времени ***спасаѧй***) в действительном залоге, ***спасающійсѧ*** в страдательном, ***въставающій*** в среднем, ***възглашающій*** в непредельном и так далее. Здесь по-прежнему заметно неразличение глагольных видов (хотя категория вида уже была, по-видимому, сформирована), поэтому семантику будущности выделить трудно, однако некоторые различия уже прослеживаются. Так, причастие ***възглашающій*** относится к будущему времени, в то время как ***глашаѧй*** — к настоящему (от одного и того же глагола!); очевидно, что уже осознаётся роль префикса в формировании совершенного вида. Грамматически же причастия будущего времени у Зизания отличаются от соответствующих причастий настоящего времени лишь окончанием в номинативе мужского рода: -***ѧй*** в Praesens, -***ющій*** в Futurum.

В начале XVII века Мелетий Смотрицкий в [Смотрицкий 1619] описывает «полную» систему причастий будущего времени в русском языке, включающую действительные и страдательные формы (более подробно см. §1.4). Как отмечалось ранее, эта система также транслирует нормативные античные грамматики и не совпадает с данными реального языка XVII века; в 1666 г. она была подвергнута жёсткой критике Ю. Крижаничем, сообщившим, что «не говорим: *возстанущь*, *придущь*, *учинѧщь*» [Križanić 1984: 144, цит. по: Шаповал б/г].

Нужно отметить, однако, что в целом описания Зизания и Смотрицкого, видимо, не воспринимались как подложные или неправильные. Целостность европейской грамматической традиции обеспечивалась единством принципов грамматического описания всех европейских языков, сложившимся в александрийской грамматической школе на базе греческого языка. Позже эти принципы были перенесены на грамматическое описание латыни, а по образцу латинских

грамматик (в первую очередь Доната IV в. и Присциана V в.) создавались все последующие описания грамматического строя других языков вплоть до Нового времени. Как пишет С. Ору, «сначала было нужно, чтобы грамматика уже «грамматизованного» языка [латыни. — *А. В.*], широко использовалась для преподавания языка, так как этот язык постепенно становился неродным; по этой причине грамматика по прошествии некоторого времени становится универсальной техникой обучения, применимой к любому языку, в том числе и к родному»[36] [Auroux 1992: 17, перевод наш]. Соответственно, для Смотрицкого и Зизания принципы античных грамматик были своеобразной матрицей, которую они заполняли данными описываемого языка в целях его встраивания в контекст европейского грамматического учения; расхождения с реальным состоянием языка, видимо, не были этому препятствием. Вероятно, кстати, что причастия будущего времени под влиянием грамматик Зизания и Смотрицкого стали считаться элементом грамматики *церковнославянского* языка, а не русского, и в силу этого в последующие периоды воспринимались как элемент более высокий и потому не долженствующий использоваться в русском языке.

Первая из существующих грамматик собственно русского языка — грамматика Лудольфа, изданная в 1696 году в Лондоне, — не отмечает наличия в русском языке причастий будущего времени, как, впрочем, и причастий вообще. Б. А. Ларин, переведший и издавший эту грамматику [Ларин 2002], отмечал её поверхностность и недостаточность; однако, видимо, отсутствие каких-либо упоминаний причастий свидетельствует о том, что во времена Лудольфа причастия, скорее всего, не употреблялись широко в разговорной речи (на основе которой написана эта грамматика).

Первое упоминание[37] причастий будущего времени в грамматических сочинениях собственно по русскому языку относится уже к XVIII веку, к грамматике Ломоносова [Ломоносов 1755]. В §439 Ломоносов говорит: «Причастия

[36] «Il a d'abord fallu que la grammaire d'une langue déjà grammatisée soit massivement employée à des fins de pédagogie linguistique, parce que cette langue est progressivement devenue une langue seconde, pour que la grammaire devienne, ce qui prendra un temps considérable, une technique générale d'apprentissage, applicable à toute langue, y compris la langue maternelle».

[37] Предшествовавшая Ломоносову грамматика В. Е. Адодурова (1738) каких-либо упоминаний причастий будущего времени не содержит.

<…> времен имеют пять: настоящее, прошедшее неопределенное, прошедшее единственное, прошедшее совершенное, давнопрошедшее; будущих весьма мало есть употребительных» и после этого уточняет в §445: «Иногда причастия настоящие страдательные употребляются как будущие страдательные, напр.: прощаемые на будущей недѣли товары; однако сие употребление не весьма правильно»; каких-либо уточнений, касающихся действительных причастий со значением будущего времени, а также примеров их употребления в грамматике Ломоносова обнаружить не удалось. Однако ценно то, что Ломоносов отмечает принципиальную возможность такого употребления и указывает на то, что причастия со значением будущности окказионально встречаются в речи, хоть это и является нарушением литературной нормы.

Из грамматик XVIII в. необходимо упомянуть также «Письмовник» Н. Г. Курганова. В нём отмечается существование причастий будущего времени («причастных имён») у «помогающего» (т. е. вспомогательного) глагола *есмь — будущій, ая, ее* с параллельными описательными конструкциями *который будетъ* [Курганов 1793: 32]. Ни у каких других глаголов (при довольно разветвлённой глагольной системе, описанной Кургановым) причастия будущего времени, впрочем, не отмечаются.

В грамматике А. А. Барсова (1783-88) прямо сказано, что от русского глагола образуются только причастия настоящего и прошедшего времени. Попутно процитируем слова Барсова о причастиях вообще: «Причастія по большей части должно производить отъ тѣхъ только Россійскихъ глаголовъ, которые отъ славенскихъ разности не имѣютъ, и употреблять ихъ нѣсколько въ высокомъ слогѣ, а не въ самыхъ простыхъ письмахъ или разговорахъ, <…> ибо причастія имѣютъ в себѣ нѣкоторую высокость» [Грамматика Барсова 1981: 595]. Следовательно, в конце XVIII в. причастия были дистанцированы от разговорной речи (что отмечается также и у Ломоносова).

Последовавший период нормализации русского языка отразился в том, что возможное существование в речи причастий будущего времени не нашло

отражения в грамматиках русского языка. Так, А. Х. Востоков в своей долго считавшейся нормативной «Русской грамматике» 1831 г. ясно даёт понять, что «причастіе есть имя прилагательное, отъ глагола произведенное, съ означеніем времени дѣйствия или состояния, ***настоящего или прошедшаго***» [Востоков 1831: 107]. Примерно то же находим у Н. И. Греча: «Причастія имѣютъ число видовъ, находящееся въ начертаніи совокупнаго глагола, отъ коего оныя происходятъ, а временъ два, ***настоящее и прошедшее***» [Греч 1827: 213].

Последующие издания, как правило, специализированные, иногда отмечают возможность существования причастий будущего времени. Так, в грамматике церковнославянского языка Классовского выделяются такие причастия от глагола *быть* (***бꙋдꙋщїй***); впрочем, никак не объясняется отсутствие сходных форм от прочих глаголов [Классовский 1857: 57]. Ф. И. Буслаев в своём «Опыте исторической грамматики русского языка» отмечает, что «… общеупотребительный языкъ причастія будущаго времени на -щій не допускаетъ, за исключеніемъ причастія *буду-щій*, которое первоначально имѣло значеніе настоящаго времени». После этого в примечании указано: «Какъ въ древнерусскихъ памятникахъ, такъ и у новѣйшихъ образцовыхъ писателей встрѣчаемъ, хотя и весьма рѣдко, въ видѣ исключенія изъ общаго правила, причастія настоящаго времени на *-щій*, отъ глаголовъ совершеннаго и однократнаго вида, въ значеніи будущаго времени. Напр. въ языкѣ лѣтописей: «на *придущемъ* вѣцѣ» <…>, въ новой литературѣ, напр., у Жуковскаго: «братьевъ моихъ истребленье, тогда неизбѣжно падущихъ» [Буслаев 1858: 92]. Таким образом, в середине XIX в. уже существовало осознание того, что причастия будущего времени а) образуются от глаголов совершенного вида с помощью тех же формантов, что и причастия настоящего времени, б) употребляются со значением будущности в литературных произведениях, а не являются церковнославянским рудиментом.

Эту мысль развивает В. И. Чернышёв. В пособии «Правильность и чистота русской речи» в 1915 г. он пишет, что от глаголов совершенного вида причастия на -щий не допускаются, но «въ исключительныхъ случаяхъ авторы пы-

таются создавать такія причастія для выраженія будущаго времени» [Чернышёв 1915: 326-327], после чего приводятся примеры употребления таких причастий — *падущий*, *предъявящий*, *приедущий*, *вымрущий*, *сумеющий*. В литературном языке, по мнению Чернышёва, общеприняты только два таких причастия — *будущий* и *грядущий*, а причастия от двувидовых глаголов вроде *атаковать* относятся только к настоящему времени.

Позже в XX веке, впрочем, вплоть до выхода [Русская грамматика 1980], отношение к причастиям будущего времени, кажется, было довольно жёстким: они трактовались как определённо ненормативные. Академик С. П. Обнорский в статье «Правильности и неправильности современного русского литературного языка» [Обнорский 1960], где анализируются чуть ли не все возможные ошибки, связанные с употреблением причастий, полностью игнорирует причастия будущего времени. Первое обнаруженное нами их послереволюционное упоминание относится к 1947 году и принадлежит В. В. Виноградову, что было описано в §1.4; как мы знаем, все издания его «Грамматического учения о слове» содержат жёсткое упоминание о недопустимости таких форм. Кратко и в той же тональности причастия будущего времени были упомянуты в [Грамматика русского языка 1954: 506], а также в [Грамматика СРЛЯ 1970: 419].

Упоминание[38] о существовании в речи и литературе окказиональных примеров употребления причастий будущего времени, появившееся в [Русская грамматика 1980], смягчило отношение к ним учёных. Вслед за этим последовали лингвистические исследования проблемы (см. §1.4), которые уже не отрицают существование этих причастий, а пытаются выяснить причины их существования и закономерности в функционировании. Однако современные массовые пособия по культуре речи (напр., [Розенталь 1967] — также во всех последующих переизданиях, коих насчитывается свыше двух десятков, [Розенталь et al. 1999] и др.) по-прежнему не содержат даже упоминаний об их существовании в нелитературной речи.

[38] В уже неоднократно цитировавшемся §1581 этой грамматики.

§ 3.2. Причастия будущего времени в текстах

Упоминания о спорадическом употреблении причастий будущего времени в древних текстах содержатся в классических трудах по истории праславянского, старо- и церковнославянского и древнерусского языков. Так, у А. Вайана отмечается: «Единственный след причастия будущего времени — это форма **бышѧшт-** от **быти**, которую сохраняют в довольно большом количестве примеров тексты русской редакции, но старославянского происхождения <…>. Обычно, однако, причастие будущего времени выражается или причастием настоящего времени совершенного вида: **бѫдѫшт-**, или же описательным оборотом» [Вайан 1952: 277]. Далее эта мысль развивается: «Причастие настоящего времени совершенного вида имеет значение причастия будущего времени: **о измѣнѧштіхъ сѧ** <…>, **не покорѧштиимъ сѧ** <…>. Кроме обычных оборотов с **бѫдѫшт-**, причастие будущего времени может быть выражено также некоторыми другими оборотами, например: **хотѧи прѣдати** <…>» [ibid.: 378]. А. Мейе отмечает, что «так называемое причастие будущего времени ц.-слав. **бышѧщеѥ** <…> принадлежит основе настоящего времени дезидератива» [Мейе 2001: 268]. А. Х. Востоков описывает в «Грамматике церковнославянского языка» существование в церковнославянском причастий будущего времени от некоторых глаголов; в качестве иллюстрации приведены формы **въскрѣснѫща**, **възлажаща**, **отъпоустѧще**; **съвлецѣмсѧ ветхаго чл҃вка и дѣлесь его, облекущесѧ въ новаго А҃дама** (Ефр. Сир.), **А҃ште видиши человѣка … придѫшта къ тебе** (Супр. рук. 282) [Востоков 1863: 75]. См. также упоминания о причастиях будущего времени у А. М. Селищева [Селищев 1951: 186-187].

Основная проблема, возникающая при анализе употребления причастий будущего времени в древних текстах, — это проблема эволюции видовременной системы русского глагола. Так, уже в приписке к Остромирову евангелию (1056-57 г.) мы встречаем следующий пример: **молю же вьсѣхъ почитаѭщихъ·не мозѣте клѧти нъ исправльше·почитаите** (Остромирово евангелие,

с. 194, приписка), т. е. ‘прошу всех, кто будет читать, — не осуждайте, а, исправив, читайте’. Мы не можем, однако, однозначно утверждать, что перед нами причастие будущего времени, — в XI веке категория вида в русском языке была ещё далека от окончательной сформированности, и определить точно, к какому грамматическому времени относится причастие **почитаѭщихъ**, не представляется возможным, хотя компонент будущности в его семантике и превалирует. Вообще, отграничение будущего времени от настоящего тесно связано с противопоставлением совершенного и несовершенного видов; этот процесс не мог завершиться раньше 15 века, ибо ещё в Лаврентьевской летописи (1377 г.) находим в значении будущего времени как формы настоящего времени от глаголов совершенного вида (ср. *похожю*, *поимемъ* [запись на год 6453 (945)]), так и формы от глаголов несовершенного вида (ср. *живѧтъ* ‘оставят в живых’ [запись на год 6463 (955)]). Подробнее о синкретизме форм настоящего и будущего времени см. в [Древнерусская грамматика 1995: 374-411] и у Л. П. Якубинского [Якубинский 1953: 232, 237-240].

Соответственно, говорить о появлении причастий будущего времени в языке как явления ненормативного, выбивающегося из системы можно говорить только после полного завершения формирования категории вида и, соответственно, будущего времени в русском языке. Временной границей здесь, видимо, стоит признать, вслед за В. В. Колесовым, XVI век; аргументы в пользу этой точки зрения см. в [Колесов 2005: 512-547]. С XIII-XIV веков активизировались процессы имперфективации (до этого были регулярны случаи употребления приставочных глаголов в контексте настоящего времени и бесприставочных в контексте будущего), с XV в. утверждаются форм современного сложного будущего времени с *быть* в качестве вспомогательного глагола. Два этих фактора к XVI в. оформили различие между двумя глагольными видами, сделав возможным существование причастий собственно будущего времени. Более подробно о формировании категории вида см. в [Никифоров 1952], [Силина 1982] а также в трудах Ю. С. Маслова, например, в [Маслов 2001].

Нами был проведён поиск по текстам, относящимся к разным жанрам и временны́м периодам[39]. Поиск был направлен на обнаружение форм, которые по своей морфологической структуре могут быть сближены с современными причастиями будущего времени. Эта морфологическая структура такова: основа глагола настоящего-будущего времени (чаще всего приставочная), в современном русском языке квалифицирующаяся как основа совершенного вида, + тот или иной суффикс причастия настоящего времени. При обнаружении такой формы необходимо определить, каково грамматическое значение этой формы и можно ли в ней усмотреть значение современного причастия будущего времени. Говорить о причастиях будущего времени применительно к ранним текстам невозможно, так как не существовало противопоставления совершенного и несовершенного вида в современном понимании. Корректнее говорить об особенностях употребления в разных контекстах синкретичной формы причастия настоящего-будущего времени (об истории причастия см. подробнее в работе [Кунавин 1993]). Для упрощения терминологии до завершения поиска такие формы мы именуем «причастиями будущего времени» (sic!).

Поиск по Галицко-Волынской летописи (XIII в.) с помощью грамматического анализатора[40] дал следующие результаты: «причастия будущего времени» изредка встречаются в тексте летописи в значении прошедшего времени СВ. Вот эти употребления: **и Станиславичь Иванко и братъ его Збъславъ прибѣгоша в Галичь. повѣдающе рать и ѡстоупление Галичанъ** (‘сообщив галичанам о войне и осаде’[41], с. 728, строки 16-17); чаще встречаются такие употребления в конструкции dativus absolutus: **Дьмьянови же повѣстѧщоу** (‘Когда Демьян сообщил’, с. 752, строка 5); **а стрѣламъ не дадоущимъ выникноути изъ заборолъ** (‘а стрелки не давали высунуться из заборол’, с.

[39] **Полный список источников древних текстов см. в приложении.** Мы используем электронные издания, поскольку это значительно облегчает поиск исследуемых форм. Используются только авторитетные электронные источники: компьютерная версия «Библиотеки литературы Древней Руси» ИРЛИ РАН, ресурсы проекта «Рукописные памятники Древней Руси», курируемого ИРЯ РАН, и нек. Др.

[40] Грамматический анализатор Галицко-Волынской и Киевской летописей предоставляется ресурсом «Рукописные памятники Древней Руси» (http://www.lrc-lib.ru).

[41] Перевод отрывков даётся по переводу О. П. Лихачёвой («Библиотека литературы Древней Руси», т. 5, http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4961, проверено 06.06.2010)

852, строки 22-23); **ѡнѣм же молвѧщимъ. кнѧже. лихо ѣздишь** (‘они же сказали: князь, ты смело ездишь’, с. 910, строка 23); **Семенови же приѣхавшоу ко Юрьеви. и повѣдающи рѣчь ѡтн҃ю** (‘Семен приехал к Юрию и сообщил ему слова отца’, с. 931, строки 12-13). Однако эти употребления составляют ничтожно малую долю от всех употреблений причастий с соответствующими формантами (5 из 814, то есть 0,61%).

Сходную ситуацию видим и в Киевской летописи. Лишь изредка встречаются «причастия будущего времени» на **-че/-ча** от приставочных глаголов, например: **приѣхаша ѿ Киѩнъ моужи нарекоуче тъі нашь кн҃зь** (с. 323, строки 15-16), **и не доидоуча пакъі града стаста близъ** (с. 331, строки 14-15). В целом форм в таком употреблении обнаружено 6 из 1341, то есть 0,44% от всех вхождений причастий с формантами настоящего времени. Это заставляет сделать вывод о том, что на раннем этапе развития языка «причастия будущего времени» употреблялись очень редко и не осмыслялись как специфический выразитель будущего времени и отношений следования.

Для получения данных по разговорному языку древнего периода мы обратились также к текстам новгородских берестяных грамот. А. А. Зализняк отмечает, что в этих текстах действительные презентные причастия на **-а/-ѧ**, как правило, являются несклоняемыми (изменяются только по родам и числам) и обнаруживают стойкую тенденцию к переходу в деепричастия [Зализняк 2004: 134]. Тем не менее, в некоторых грамотах «причастия будущего времени» отмечаются, например: *възьмѧ*, *повьргѧ*, *поустѧ*, *водадѧ* и др. Также частотна устойчивая формула **добре створѧ** ‘пожалуйста’, где форма **створѧ** является презентным причастием от глагола совершенного вида. Впрочем, уже к XIII в. все такие причастия в древненовгородском диалекте перестали склоняться, по-видимому, оформившись как особая глагольная категория — деепричастия.

Вообще, полупричастия такого типа (образованные от основ современного СВ) представляют интерес для нашего исследования с точки зрения соотношения основы и суффикса. Они встречаются не только в древненовгородских

текстах. Л. Р. Абдулхакова приводит такие примеры из Московского летописного свода: ***оставя***, ***исполча***, ***ꙋдаря***, ***вымя*** и т. д. [Абдулхакова 2007: 23-24]; там же отмечается, что такие формы под влиянием глаголов IV класса постепенно вытесняли формы на **-ы**. Вообще, Абдулхакова отмечает, что среди деепричастий (формирование которых она считает не до конца завершённым и по сей день) количество форм на *-а*/*-я* от основ совершенного вида постепенно возрастает [ibid.: 26], [Абдулхакова б/г: 4]. Подробнее о развитии категории деепричастия см. также в [Потебня 1958: 185-232].

В текстах других жанров «причастия будущего времени» также употребляются нечасто и нерегулярно. Так, удалось обнаружить единичные соответствующие примеры в «Житии Феодосия Печерского» (1080-е гг., древнейшие списки датируются концом XII — началом XIII в.): *то же слышавъши, она отъиде, чающи въ приидущий дьнь видѣти и́* ‘послушалась она и ушла, надеясь, что на следующий день увидит сына’; *братии же врата затворивъшемъ и никогоже пустящемъ по повѣлению блаженааго* ‘братья же заперли ворота и никого не впускали, как повелел блаженный’ (dativus absolutus). В «Сказании о Борисе и Глебе» (середина XI в., списки в Успенском сборнике) можно наблюдать пример, семантика причастия в котором сближается с будущностью: *Нынѣ же нѣсть время, нъ на предълежащее възвратимъся* ‘сейчас же еще не время, а вернемся к нашему рассказу’. Ни одного «причастия будущего времени» не удалось обнаружить в таких представительных текстах разных жанров, как «Хождение Богородицы по мукам» (списки с XII в.), «Повесть об Акире Премудром» (XIII в.), «Поучение» Владимира Мономаха (XII в., в Лаврентьевской летописи), в отрывках из «Изборников» 1073 и 1076 годов. В отрывках из «Пчелы» (XIII в.) есть два примера такого употребления: *А како могу не печаловатися, выгонимъ сы от такового отечьства, въ немъ же обидимии пользують* ***обидящимъ****?* и *Въ немъ же съ закономъ живуть, а* ***обидящихъ*** *казнятъ*.

Отдельные примеры употреблений «причастий будущего времени» обнаруживаются в сочинениях Кирилла Туровского (XII в.), ср.: *уже не собѣ еди-*

ному бысть на спасение, но и инѣмь многимъ ***послушающим*** *его* («Притча о человѣчестѣи души и о телеси»); *аще и недостоин есмь о сих глаголати, но ползы ради* ***послушающих*** *пишем* (там же); *Господи, человѣка не имам,* ***вълложаща*** *мя в купѣль* («Слово о расслабленѣмь»). Один раз такое причастие встречается в «Киево-Печерском Патерике» (XIII в.): *Иного бо не имяше, развѣ точию лобеду, но се приготовляше токмо на* ***приидущее*** *лѣто, глаголаше к себѣ* <…>.

В связи с последними примерами можно отметить интересный факт: как минимум два «причастия будущего времени» употреблялись в древнерусской книжности относительно частотно, так как обладали формульным (лексически связанным) характером. Это причастия *прочитающий* и *послушающий* (часто выступавшие в паре), использовавшиеся для обращения к адресату; В. В. Колесов говорит, что словосочетание *всяк прочитаяи* являлось устойчивой формулой [Колесов 2005: 590]. Частично примеры их употребления представлены выше (цитаты из Кирилла Туровского), приведём ещё несколько: *повѣсть нѣкую страшную начиная писанию предати, молю* ***прочитающих*** *списание сие не мнѣти имъ мене чрез естественая лжущаго* (Максим Грек, «Повесть о Савонароле», конец XV — начало XVI в.; отметим, что это чуть ли не единственный случай употребления «причастий будущего времени» в его произведениях); *а мы за чтущих и* ***послушающих*** *станем бога молить; наши оне люди будут там у Христа, а мы их во веки веком* («Житие протопопа Аввакума, им самим написанное», XVIII в.; больше во всём «Житии» нет ни одного «причастия будущего времени»); *коль чюдесъ много изволи явити, // всякъ* ***прочитаяи*** *будетъ ся дивити* (Симеон Полоцкий, XVII в.) Такие употребления прослеживаются ещё и в XVIII в. в ориентированных на книжность текстах, ср: *Но самый разум сказывает, что первому из седми состоять пристойнее, для того что в начале у* ***прочитающего*** *дух бывает крепчайший и больший, а к концу слабейший* (В. К. Тредиаковский, «Новый и краткий способ к сложению российских

стихов», 1735). Возможно, употребление таких устойчивых формул поддерживало существование исследуемых причастных форм.

В прочих текстах, которые были нами проанализированы, «причастия будущего времени» встречаются редко или не встречаются вообще. Так, у Максима Грека встречаем лишь один пример употребления (см. выше). Дважды они употреблены в переписке Ивана Грозного с Андреем Курбским: *Кто убо можетъ избавити тя от насилныхъ рукъ и от* ***обидящаго*** *восхитити тя возможетъ?* («Первое послание Ивана Грозного Курбскому»), *тогда, егда Христос приидетъ судити, и возлаголютъ со многимъ дерзновениемъ со мучащими или* ***обидящими*** *их* («Второе послание Курбского»).

Также в этой переписке встречается интересное употребление причастия от глагола *хотеть* с явным модальным (устремлённым в будущее) значением: *и* ***хотяще*** *я* ***истязати*** *до влас прегрешениа их, якоже словеса глаголют?* («Первое послание Курбского»). Такие модальные употребления иногда встречаются в древнерусских текстах, ср.: *Тѣмьже, братие, подвигнѣмъся преже дьни оного, да получимъ благая она, избѣгнѣмъ же всѣхъ* ***хотящихъ быти*** *на неродивыихъ и не въ покаянии живущиихъ* («Житие Феодосия Печерского»); *ты же, спасень бывь, зде имаеши положенъ быти в* ***хотящей създатися*** *церкви* (там же); *Не суть бо страсти нынѣшнего времени точнии будущей славѣ,* ***хотящей явитися*** *в нас* («Киево-Печерский патерик»). Возможно, такие формы по аналогии со сложным будущим временем финитных форм (также использовавшим вспомогательный глагол *хотеть*) можно трактовать как сложные причастия будущего времени с модальным значением (с частичной грамматикализацией глагола *хотеть*). Во всяком случае, такие употребления встречаются относительно часто в текстах старшего периода; у Курбского, судя по всему, они уже носят в основном традиционный характер.

Что касается более поздних текстов, то нужно отметить, что «причастия будущего времени» в них практически не употребляются. Так, ни одного причастия не встретилось в «Повести о Горе-Злочастии» (сер. XVII в.), «О России в царствование Алексея Михайловича» Г. К. Котошихина (1660-е); один доволь-

но странный пример найден в «Соборном уложении» 1649 г.: *делати всякие государевы дела, не стыдяся лица сильных, и избавляти* ***обидящаго*** *от руки неправеднаго* (гл. 10, п. 1; явно в значении ‘обиженного’). В «Житии» Аввакума, как уже упоминалось, только одно употребление такого причастия; впрочем, у Аввакума отмечается гораздо более частое по сравнению с предшествующими текстами использование формы *будущий* с чётким значением будущего времени.

Таким образом, в древних текстах «причастия будущего времени» могли употребляться в следующих формах:

1) краткие в НФ (им. п. м.р. ед. ч.) — *створя*;

2) краткие в им. п. **не** м. р. ед. ч. — *створящи*; *нарекуче*;

3) краткие в косвенных падежах — *створящу*;

4) полные в НФ — *прочитаяи*, затем *прочитающий*;

5) полные в косвенных падежах — *прочитающего*.

С точки зрения грамматического значения употребления таких форм, функционально подобные употреблению современных причастий будущего времени, крайне редки. Случаи типа *створя* структурно и функционально сближаются с современными деепричастиями СВ. Случаи типа *приидущий, предлежащий* носят явно адъективированный характер. Помимо этого, отмечаются случаи, когда глагол, формально совпадая с современным глаголом СВ, не обнаруживает подобных видовых характеристик в древнерусском языке. Ср. примеры с глаголом *обидети*, который мог употребляться как в СВ, так и в НСВ: относительно частотно встречающееся причастие *обидящий*, как правило, употребляется или как причастие НСВ (‘обижающий’), или как адъективированно-субстантивированная лексема (‘обидчик’).

В некоторых случаях глагол оказывается синкретичным в отношении времени; таковы примеры из Остромирова евангелия (*почитающих*) и практически все употребления причастия *послушающий*. Существуют также случаи, где причастие оказывается лексически связанным (*прочитающий*). Таким образом, чуть ли не единственным примером, где причастие достоверно имеет се-

мантику будущего времени, является употребление *въложаща* у Кирилла Туровского («Слово о раслабленѣмь»).

В целом по итогам анализа древних текстов можно сделать следующие выводы. «Причастия будущего времени» употреблялись в древнейших памятниках довольно редко (возможно, копируя в переводах особенности греческого оригинала), при этом изначально тяготея к книжно-славянскому типу речи. При этом речь идет не о причастиях будущего времени в нашем понимании, поскольку в древнейший период не существовало противопоставления по виду современного типа. Следовательно, корректнее говорить не об особой морфологической форме, а об особенностях употребления единой синкретичной формы настоящего-будущего. Развитие категории вида не способствовало распространению причастий будущего времени. Они не участвовали в становлении оппозиции «простое — сложное будущее время», которая являлась ключевой для становления современной категории вида. Их традиционно-книжные употребления, видимо, ограничивали своё употребление сферой церковнославянского языка, к которой их и относили при попытках грамматического описания (Мелетий Смотрицкий, Востоков).

§ 3.3. Причастия будущего времени в XIX-XXI веках. Статус причастий будущего времени в современном русском литературном языке.

Если в текстах XI-XVII веков главным фактором, влиявшим на употребление причастий будущего времени, являлась степень сформированности видовременной системы, то в новейший период их употребление становится обусловленным в основном стилистическими причинами. Ко времени языковых реформ XVIII века причастия испытали жёсткую конкуренцию со стороны вновь развивавшейся формы — деепричастий — и эту борьбу проиграли: причастия были постепенно вытеснены в «более высокие» стилистические контексты. Деепричастия захватили и семантическую, и синтаксическую нишу причастий — с их появлением главный аргумент в пользу употребления причастий, а именно их способность в одной лексеме сконцентрированно выразить побочную предикацию, утратил актуальность. Так, значение ‘брат придёт и после этого съест обед’ стало возможно выразить как с помощью причастия будущего времени — *придущий брат пообедает*, так и с помощью деепричастия — *придя, брат пообедает*.

Реформа русской стилистики, произошедшая в XVIII веке, утверждением «среднего штиля» открыла дорогу в литературный язык явлениям живой речи. Как известно, современный русский литературный язык включает в себя несколько функциональных стилей, сформировавшиеся на базе различных языковых контекстов. При создании литературного языка использовались элементы как «высоких», так и «низких» стилистических контекстов, что перевело некоторые языковые явления в разряд нормативных. Следствием языковых изменений XVIII-XIX веков явилась либерализация языкового сознания, означавшая для причастий будущего времени возможность языкового творчества и использования в текстах неологизмов и ненормативных форм для создания художественного эффекта.

На протяжении XIX века мы время от времени встречаем примеры употребления причастий будущего времени в текстах разных стилей. Так, они обнаруживаются в выполненном в 1817-1820 годах синодальном переводе Священ-

ного писания: *благословен* ***придущий*** *во имя Господне* (Пс. 117:26, впрочем, в других переводах — *грядущий*) и в речах руководителя синодального перевода, митрополита Филарета (1782-1867): *человек, уже посетившую его силу света удержать не* ***сумеющий***. В художественной литературе их употребления встречаются у В. А. Жуковского (*Братьев моих истребленье, тогда неизбежно* ***падущих*** [«Отрывки из «Илиады», 1828]), Н. В. Гоголя (*Буде окажется в их губернии какой подозрительный человек, не* ***предъявящий*** *никаких свидетельств и пашпортов, то задержать его немедленно* [«Мёртвые души», т. 1, гл. 9, 1842]), А. Ф. Писемского (*При этих словах Калиновичу невольно вспомнилась Настенька, обреченная жить в глуши и во всю жизнь, может быть, не* ***увидающая*** *ни балов, ни театров* [«Тысяча душ», ч. 3, рзд.1, 1858]) и др. Однако, по всей видимости, на протяжении XIX века употребление причастий будущего времени должно быть отнесено к разряду окказиональных. Очень вероятно, что структурная их допустимость полностью осознавалась, но имеющаяся частотность не позволяет говорить о регулярном их употреблении, а получение статистических данных в связи с большим объёмом корпусом текстов затруднено.

В XX веке возможность существования причастий будущего времени начала осознаваться более чётко. В 1920 году В. Г. Шершеневич писал: «Необходимо, наконец, создать причастие будущего по принципу: *придущий*, *увидящий*, *прошумящий*. «Мое фамилье прошумящий веками» — вот образец аграмматической фразы подлинно поэтической речи»[42]. Вопрос о необходимости таких форм остаётся спорным, но экспликация структурной допустимости таких причастий явилась важным шагом вперёд.

XX век — период очередного расцвета причастных форм, который связан с формированием в советскую эпоху специфического официально-делового стиля, отличающегося тяжеловесностью языка. В частности, одной из самых характерных его черт является стремление к максимальному свёртыванию предикации. Номинализация[43] и прочие проявления этой тенденции неоднократно

[42] В сб. «2 x 2 = 5», цит. по: [Эпштейн 2005].
[43] Зд.: тенденции к использованию отглагольных имён вместо глаголов; термин заимствован из [Seriot 1985].

обсуждались в научной литературе; для нас же интерес представляют последствия этих процессов — активизация употребления причастий, в том числе и будущего времени.

Появление в последние десятилетия новых сфер употребления языка, по нашему мнению, является главным фактором, способствующим активизации употребления причастий будущего времени. В первую очередь речь идёт об интернет-дискурсе, породившем лавинообразное увеличение количества употреблений таких причастий. Технические ограничения, накладываемые на существование языка в интернете — в первую очередь его принудительное существование в письменной форме — поддерживают образование таких форм.

В начале XXI века причастия будущего времени заинтересовали многих исследователей. Ими заинтересовались филологи разных поколений и разной степени близости к академической науке: М. Я. Гловинская, К. А. Крапивина, В. В. Шаповал, М. Н. Эпштейн. Тема причастий будущего времени периодически обсуждается на лингвистических форумах, соответствующие вопросы поступают в справочные службы русского языка (см., например, http://forum.gramota.ru/forum/read.php?f=27&i=6111&t=6063, проверено 06.06.2010). При этом оценка факта существования таких форм различна: мнения носителей языка расходятся, мнения ученых отличаются модальностью. М. Н. Эпштейн «требует» обязательного употребления причастий будущего времени, К. А. Крапивина предлагает дополнить систему причастий ещё одним компонентом. Пожалуй, наиболее взвешенной представляется позиция М. Я. Гловинской: «Несмотря на многочисленность примеров причастий СОВ БУД в текстах, они появляются еще недостаточно регулярно, чтобы можно было судить о факторах, способствующих и препятствующих их образованию» [Гловинская 2007]. Попутно, кстати, стоит отметить, что приводимые Гловинской данные на сегодняшний день уже устарели: самыми частотными причастиями будущего времени являются уже не *откроющий(ся*), а, по разным данным, *сде-*

лающий или *сумеющий*. Характерно также название другой её работы: «Действительные причастия будущего времени в русском языке **in statu nascendi**» [Гловинская 2006].

Безусловно, подобный всплеск интереса к проблеме объясняется увеличением числа… Но чего: употреблений или доступных наблюдению соответствующих примеров? Видимо, и того, и другого, но при этом эти явления необходимо принципиально разграничивать.

В начале 2000-х годов (точное время установить трудно) В. В. Шаповал писал о причастиях будущего времени: «Только вот ловить подобные явления в речи довольно непросто. А хотелось бы поточнее представить масштабы явления. Поэтому закончить эту заметку я хочу призывом к уважаемым коллегам. Если у кого-то есть примеры ученических ошибок с невероятными причастиями и вы не знаете, что с ними делать и как их объяснить, присылайте, пожалуйста. Может быть, сложится более законченная картина феномена» [Шаповал б/г]. Сейчас это призыв кажется анахронизмом. «Ловить в речи» употребления с помощью средств поиска в интернете стало довольно просто.

По всей видимости, количество употреблений-примеров нарастает. Ни одна поисковая система, к сожалению, не в состоянии адекватно отразить хронологическую динамику их появления. Тем не менее, если задать в системе «Яндекс» соответствующие параметры, то можно получить некоторые цифры, которые, не соответствуя реальным числам (см. гл. 2), могут дать некоторое приблизительное представление о динамике фиксации (в формулировке «получено ответов») «Яндексом» искомых форм. Так, для причастия *сделающий* эти показатели таковы: 2006 г. — 29; 2007 г. — 57; 2008 г. — 110; 2009 г. — 502. Вопрос, однако, остаётся прежним — значит ли это, что причастия будущего времени стали принципиально чаще употребляться, или же лавинообразно нарастает количество зафиксированной в интернете словесной массы? Ясности в этом вопросе нет, равно как и в том, связаны ли эти два явления между собой.

Что касается взаимоотношений причастий будущего времени с нормой, то здесь ситуация более понятна. В русском языке есть грамматические явле-

ния, широко распространенные, но грамматиками или не одобряемые, или просто не фиксируемые, например, широко употребляемые формы *до скольки*, *со скольки* с неизвестной нормативным грамматикам формой местоимения *сколько*, или формы *двухста*, *пятиста*, *шестиста*, не входящие в нормативные парадигмы. Впрочем, в нормативных грамматиках о причастиях будущего времени всегда говорилось вскользь именно на том основании, что их употребления единичны. Учитывая, что причастия будущего времени довольно легко проникают в язык СМИ (прежде всего электронных), можно прогнозировать с достаточной степенью уверенности, что отношение нормативных пособий к данным явлениям будет все более и более пристальным — безотносительно к модальности данного отношения.

Сложнее оценить системный потенциал и перспективы данного явления. Здесь, по нашему мнению, необходимо избрать очень осторожную тональность по следующим причинам. Во-первых, при внушительности отдельных цифр в номинальных выражениях в относительном исчислении употребительность причастий будущего времени по-прежнему ничтожна. По подсчетам «Яндекса»[44], на осень 2009 года в открытом доступе в русскоязычном сегменте интернета зафиксировано около 2 трлн словоупотреблений. Даже 20 000 употреблений на таком фоне — абсолютно невесомая цифра.

Во-вторых, доля причастий будущего времени крайне мала и на фоне прочих причастных форм. Сопоставительные цифры (по «Яндексу») для причастий настоящего времени и будущего времени таковы: *делающий*[45] — 709 000[46], *сделающий* — 1811; *читающий* — 12 млн, *прочитающий* — 312; при этом *делаю* — 12 млн, *сделаю* — 11 млн; *читаю* — 12 млн, *прочитаю* — 751 000. Ср. для примера: *до скольки* — 431 000, *со скольки* — 280 000.

В-третьих, совершенно невозможно адекватно оценить степень употребительности таковых форм в прошлом (и давнем, и недавнем), так как количество текстов прошлого любой эпохи, индексируемых поисковыми системами, несо-

---

[44] http://download.yandex.ru/company/yandex_on_content_autumn_2009.pdf (проверено 06.06.2010).
[45] Здесь и далее — только в этой форме.
[46] Здесь и далее — «ответов», т. е. количество страниц с упоминанием данной формы.

поставимо мало по сравнению с аналогичными текстами последних 5–6 лет. Поэтому, говоря, что употребительность таких причастий возросла, невозможно определить, *насколько* она возросла. Возможно, более точные оценки можно будет дать спустя некоторое количество лет.

В-четвёртых, не в пользу системного утверждения причастий будущего времени говорит то, что в поле будущего времени они не поддержаны и в обозримом будущем не будут поддержаны никакими другими (НСВ, страдательными) причастными формами будущего времени. Временное значение причастий будущего времени также не отличается прозрачностью.

В-пятых, настораживает тот факт, что на сегодняшний день их образование, насколько можно судить, не носит «автоматического» характера, то есть от глаголов одинаковой степени частотности, но разных классов причастия образуются с разной степенью регулярности. Это значит, что грамматикализация их находится in statu nascendi, и пока неясно, каким образом она соотносится с морфонологическими и, может быть, лексическими факторами.

По всей видимости, сейчас наблюдается живое, «на кончике пера» развитие процесса, истинное значение и перспективы которого оценить крайне сложно. Можно, однако, утверждать, что исторически этот процесс обусловлен изначальным праславянским морфологическим неразличением глагольных основ настоящего и будущего времени. В истории развития русского языка причастия будущего времени всегда были маргинальной формой, употреблявшейся редко и нерегулярно и в определённый момент перешедшей почти исключительно в церковнославянскую сферу. Однако появление в последние десятилетия новых типов речевых ситуаций привело к всплеску их употребления, в рамках которого были актуализированы их отличительные грамматические свойства, в первую очередь синкретичность выражения морфологического и синтаксического значения. Если языковая ситуация, в которой произошла активизация данных форм, сохранится в текущем виде довольно долгое время, то можно прогнозировать постепенное увеличение их удельного веса в текстах разных функциональных стилей.

Заключение

Подводя итоги работы, сформулируем основные выводы, полученные в её результате.

В современном русском языке употребляются причастия будущего времени действительного залога, образующиеся от глаголов совершенного вида с помощью суффиксов *-ущ-*(*-ющ-*)/*-ащ-*(*-ящ-*). В научной литературе эти причастия традиционно считаются не входящими в литературную норму, однако такие причастия, во-первых, не запрещены структурно, так как образуются по известной носителю языка модели и занимают потенциально допустимую позицию системы, во-вторых, имеют параллели с другими языками мира, где подобные формы широко используются. Введение причастий будущего времени в причастную систему позволяет распространить на неё парадигму грамматических категорий, свойственную финитным формам, а именно — сделать систему времён, по аналогии со спрягаемыми формами, трёхчленной.

Образование причастий будущего времени зависит от ряда морфологических и морфонологических характеристик производящего глагола, из которых основными являются словоизменительный класс глагола в сочетании с его морфемной структурой (наиболее активное образование таких причастий свойственно префиксальным глаголам продуктивных классов), существование коррелятивного глагола несовершенного вида, а также звуковые условия в исходе основы производящего глагола; также имеют значение некоторые другие акциональные характеристики глагола.

На употребление причастий будущего времени в современном языке оказывают влияние, во-первых, грамматические условия, во-вторых, функционально-стилистический контекст. Что касается синтаксиса, важнейшую роль здесь играют таксисные отношения. Как было выяснено в предыдущих работах и подтверждено в нашей, причастия будущего времени могут встречаться в таксисных конструкциях различных типов для выражения по преимуществу отношений следования; однако возможно и сохранение ими своего исходного значения абсолютного будущего времени. Причастия будущего времени, тем

временем, в русском языке являются специфическим и главным выразителем отношений следования в простом предложении, и эта синтаксическая ниша не может быть в полной мере заполнена никаким другим образом. Данные об употреблении исследуемых причастий были получены с помощью современных корпусных методов исследования.

При функционально-стилистическом анализе было выявлено, что причастия будущего времени в современном языке свойственны в основном трём стилистическим контекстам: публицистическим текстам в широком понимании, современной художественной литературе и неофициальному общению пользователей интернета. Вызванное общей либерализацией языка более свободное отношение к нормам литературного языка и разговорной речи провоцирует более широкое использование причастий будущего времени, имеющих востребованную синтаксическую функцию.

Диахронический анализ показывает, что проблема причастий будущего времени находится в тесной связи с проблемой генезиса видов и времён русского глагола. Данные, полученные с помощью анализа текстов, указывают на нечастое, но в некоторой степени регулярное употребление причастий с семантикой будущности с начала XI века. После появления традиций грамматического описания русского языка возможность существования причастий будущего времени находит отражение в грамматиках. По прошествии долгих веков развития русского языка в последние годы происходит увеличение количества их употреблений, вызванное появлением новых языковых ситуаций.

Данные, полученные нами в результате проведённого исследования, позволяют заключить, что на данный момент для причастий будущего времени можно говорить о наличии оснований к сближению с литературной нормой, но не вхождении в неё. Впрочем, дальнейшее наблюдение за их употреблением позволит постепенно уточнять и, возможно, со временем изменить данный прогноз.

Список использованной литературы

1. *Абдулхакова б/г:* Абдулхакова Л. Р. К вопросу о формировании деепричастия в истории русского языка. http://rusistica.ru/pdf/7/abdulhakova.pdf (проверено 06.06.2010).
2. *Абдулхакова 2007:* Абдулхакова Л. Р. Из истории русского деепричастия: учеб. пособ. для студ. филол. фак. Казань, 2007.
3. *Александравичюс 1988*: Александравичюс Ю. Ю. Литовский язык. Вильнюс, 1988.
4. *Алишина 2009*: Алишина Х. Ч. Историческая грамматика тюркских языков. Учебно-методический комплекс. Тюмень, 2009.
5. *Аркадьев 2008*: Аркадьев П. М. Проблемы синтаксиса причастий в литовском языке. Хендаут доклада на Семинаре проблемной группы по теории грамматики Института языкознания РАН. М., 2008. Доступно по адресу http://peterarkadiev.narod.ru/downloads/Arkadiev_LithPartIJaz2008.pdf (проверено 06.06.2010).
6. *Бондарко 1971:* Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). Л., 1971.
7. *Бондарко, Буланин 1967:* Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967.
8. *Буслаев 1858:* Буслаев Ф. И. Опыт исторической грамматики русского языка. М., 1858.
9. *Вайан 1952:* Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
10. *Валгина 2001:* Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2001.
11. *Виноградов 1947:* Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.
12. *Виноградов 1986:* Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Под ред. Г. А. Золотовой. М., 1986.

13. *Виноградова 1999*: Виноградова С. П. Авестийский язык. // В сер.: Языки мира: Иранские языки. Т. 3. Восточноиранские языки. Москва, 2000.

14. *Влахов 2008*: Влахов А. В. Освоение и функционирование иноязычных элементов в речевом общении пользователей интернета. Курсовая работа II курса. СПб., 2008. Рукопись.

15. *Востоков 1831*: Востоков А. Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанію его же сокращенной Грамматики полнѣе изложенная. СПб., 1831.

16. *Востоков 1863*: Востоков А. Х. Грамматика церковно-словенскаго языка, изложенная по древнейшим онаго письменным памятникам. СПб., 1863.

17. *Гак 1996*: Гак В. Г. Функциональные видовые пары в русском языке // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.

18. *Гловинская 2006*: Гловинская М. Действительные причастия будущего времени в русском языке in statu nascendi // Od fonemu do tekstu. Prace dedykowane Profesorowi Romanowi Laskowskiemu. Krakow, 2006. С. 177-184.

19. *Гловинская 2007*: Гловинская М. Я. Язык интернета как средство обнаружения неустойчивых участков языка. // Труды III Международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (М., 20-23.03.2007). http://www.philol.msu.ru/~rlc2007/pdf/6.pdf (проверено 06.06.2010)

20. *Грамматика Барсова 1981*: Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова. // Под ред. Б. А.Успенского. М., 1981.

21. *Грамматика башкирского языка 1981*: Грамматика современного башкирского литературного языка. Под ред. А. А. Юлдашева. М., 1981.

22. *Грамматика карачаево-балкарского языка 1979:* Грамматика карачаево-балкарского литературного языка. Ч. 1. Фонетика и морфология. М., 1979.

23. *Грамматика кыргызского языка 1987*: Грамматика кыргызского литературного языка. Под ред. Э. И. Абдулдаева. Фрунзе, 1987.

24. *Грамматика русского языка 1954*: Грамматика русского языка. Под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной. Т. II. М., 1954.

25. *Грамматика СРЛЯ 1970*: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

26. *Греч 1827*: Греч Н. И. Практическая русская грамматика, изданная Николаемъ Гречемъ. СПб., 1827.

27. *Древнерусская грамматика 1995*: Древнерусская грамматика XII-XIII вв. М., 1995.

28. *Дюрозель 1997*: Дюрозель Ч. Практическая грамматика языка пали. Перевод А. Гунского по изданию: Duroiselle Ch. A practical grammar of the Pali language. London, 1997. Рукопись. http://www.dhamma.ru/paali/duroiselle.pdf (проверено 06.06.2010).

29. *Жамьянова 2008*: Жамьянова М. З. Инфинитные формы глагола монгольского и турецкого языков (семантико-функциональный аспект). Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Рукопись. Элиста, 2008.

30. *Зализняк 2004*: Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.

31. *Зализняк, Шмелев 2000:* Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.

32. *Земская 1979:* Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979.

33. *Земская, Китайгородская, Ширяев 1981*: Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.

34. *Зизаний 2000:* Зизаний Л. Грамматіка словенска. // В кн.: Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. Под ред. Е. А. Кузьминовой. М., 2000.

35. *Золотова 1973:* Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.

36. *Иванов 1983:* Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 1983.

37. *Калакуцкая 1971*: Калакуцкая Л. П. Адъективация причастий в современном русском литературном языке. М., 1971.

38. *Камынина 1999*: Камынина А. А. Современный русский язык. Морфология. М., 1999.

39. *Кирьянов 2009*: Кирьянов Д. П. Причастия будущего времени от глаголов совершенного вида в русском языке. Рукопись.

40. *Классовский 1857*: Классовский В. И. Краткая грамматика славяно-церковнаго языка періода печатныхъ (въ Россіи) книгъ. СПб., 1857.

41. *Князев 1996*: Князев Ю. П. Возвратность как средство выражения взаимности. // Русистика сегодня. 1996. № 2. С. 31-54.

42. *Кодзасов, Кривнова 2001:* С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова. Общая фонетика. М., 2001.

43. *Колесов 2005:* Колесов В. В. История русского языка. СПб., 2005.

44. *Корнилов 1989:* Корнилов В. А. Эсперантское причастие как проблема общей и сравнительной партиципологии. В сб.: Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 858. Interlinguistica Tartuensis, № 6. Тарту, 1989. http://miresperanto.narod.ru/esperantologio/kornilov-prichastie.htm (проверено 06.06.2010).

45. *Кочергина 1994*: Кочергина В. А. Учебник санскрита. Учебник для высших учебных заведений. М., 1994.

46. *Кочеткова 2005*: Кочеткова Т. И. Словосложение как средство номинации и предикации в современном русском языке. Диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук. М., 2005. Рукопись. http://dissertation2.narod.ru/Diss2006/22-14.htm (проверено 06.06.2010).

47. *Крапивина 2009*: Крапивина К. А. Причастный таксис в русском языке. Выпускная квалификационная работа бакалавра филологии. СПб., 2009. Машинопись.

48. *Кунавин 1993*: Кунавин Б. В. Функциональное развитие системы причастий в древнерусском языке. Автореф. дис. … докт. филол. наук. СПб., 1993.

49. *Курганов 1793*: Курганов Н. Г. Писмовник, содѣржащій въ себѣ науку россійскаго языка со многимъ присовокупленіемъ разнаго учебнаго и полезно-забавного вещесловія. Ч. 1. СПб., 1793. Доступно по адресу: http://imwerden.de/pdf/pismovnik_kurganova_chast1_1793.pdf (проверено 06.06.2010).

50. *Ларин 2002*: Ларин Б. А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI-XVII веков. СПб.: Издательство Петербургского университета, 2002.

51. *Лингвистический энциклопедический словарь 1990*: Лингвистический энциклопедический словарь. Под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990.

52. *Ломоносов 1755*: Ломоносов М. В. Российская грамматика. СПб., 1755. Цит. и пагинация по: То же. М., 1982.

53. *Лопатин 1966*: Лопатин В. В. Адъективация причастий в её отношении к словообразованию. // Вопросы языкознания, № 5/1966. С. 37-41.

54. *Ляшевская, Шаров 2008*: Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Введение к новому частотному словарю русской лексики. http://dict.ruslang.ru/freq.pdf (проверено 06.06.2010).

55. *Лексическая основа 2004*: Комплексный учебный словарь: лексическая основа русского языка. Под ред. В. В. Морковкина. М., 2004.

56. *Маслов 2001*: Маслов Ю. С. Возникновение категории совершенного/несовершенного вида (1959 г.) // Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2001. С. 131-140.

57. *Мейе 2001*: Мейе А. Общеславянский язык. М., 2001.

58. *Морфология СРЯ 2008*: Морфология современного русского языка: учебник для высших учебных заведений. Богданов С. И., Воейкова М. Д. и др. СПб., 2008.

59. *Никифоров 1952*: Никифоров С. Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М., 1952.

60. *Нахтигал 1963*: Нахтигал Р. Славянские языки. М., 1963.

61. *Обнорский 1960*: Обнорский С. П. Правильности и неправильности современного русского литературного языка // Избранные работы по русскому языку. М., 1960. С. 253-271.

62. *Обнорский, Бархударов 1999*: Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка: учебное пособие для студентов и аспирантов университетов. Ч. 1. 3-е изд. М., 1999.

63. *Плунгян 2003*: Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. 2-е изд. М., 2003.

64. *Потебня 1958*: Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I-II. М., 1958.

65. *Розенталь 1967*: Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке для работников печати. М., 1967.

66. *Розенталь et al. 1999*: Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1999.

67. *Русская грамматика 1980*: Русская грамматика. Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980. Т. 1-2. http://rusgram.narod.ru (проверено 06.06.2010).

68. *Селищев 1951:* Селищев А. М. Старославянский язык. Ч. 2. Тексты. Словарь. Очерки морфологии. М., 1951.

69. *Силина 1982*: Силина В. Б. История видо-временных отношений // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982. С. 190-198.

70. *Синтаксис СРЯ 2009*: Синтаксис современного русского языка. Под ред. С. В. Вяткиной. СПб., 2009.

71. *Смотрицкий 1619:* Смотрицкий М. Грамматіки Славенския правилное Синтагма. // В кн.: Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. Под ред. Е. А. Кузьминовой. М., 2000.

72. *Соболевский 1948a*: Соболевский С. И. Учебник древнегреческого языка. М., 1948.

73. *Соболевский 1948b*: Соболевский С. И. Грамматика латинского языка. Часть первая (теоретическая). Морфология и синтаксис. М., 1948.

74. *Степанов 1981*: Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения. М., 1981.

75. *Тестелец 2001*: Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001.

76. *Филиппов 2004*: Филиппов А. Л. Причастие в чувашском и огузских языках: опыт сравнительно-исторического исследования. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Чебоксары, 2004.

77. *Ханзен 2007*: Ханзен Б. Специфика модальных вспомогательных слов в русском языке на общеевропейском фоне. // Модальность в языке и речи: Новые подходы к изучению. Калининград, 2007. http://www.uni-regensburg.de/Fakultaeten/phil_Fak_IV/Slavistik/institut/hansen/DOWNLOAD/StatjaHansenKaliningrad.pdf (проверено 06.06.2010)

78. *Храковский 2003*: Храковский В. С. Категория таксиса (общая характеристика) // Вопросы языкознания, № 2. М., 2003.

79. *Чернышёв 1915*: Чернышев В. И. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. Вып. 2. Части речи. Пг., 1915.

80. *Чокаев 1970:* Чокаев К. З. Морфология чеченского языка. Словообразование частей речи. Ч. 2. Грозный, 1970.

81. *Шаповал б/г:* Шаповал В. В. Нарисующему домик — приз! (Причастия будущего времени в нашей речи). http://www.ruscenter.ru/730.html (проверено 06.06.2010).

82. *Шелякин 1983:* Шелякин М. А. Категория вида и способы действия русского глагола. Таллинн, 1983.

83. *Шелякин 1991:* Шелякин М. А. Русские возвратные глаголы в общей системе отношений залоговости. // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991. С. 312-326.

84. *Щерба 1957:* Щерба Л. В. Современный русский литературный язык. / Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 110-129.

85. *Эпштейн 2000:* Эпштейн М. Н. Причастия будущего времени. // Проективный лексикон Михаила Эпштейна. Выпуск 17. 2000. http://www.emory.edu/INTELNET/dar17.html (проверено 06.06.2010).

86. *Эпштейн 2003:* Эпштейн М. Н. Страдательные причастия будущего времени. Система причастий. // Дар слова. Выпуск 16. 2003. http://old.russ.ru/krug/20030225_dar-pr.html (проверено 06.06.2010).

87. *Эпштейн 2007:* Эпштейн М. Н. Есть ли будущее у причастий будущего времени? // В сб.: Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия. Материалы международной научной конференции (ИРЯ РАН, М., 24-28.05.2007). М., 2007. С. 259-266.

88. *Эрну 2004*: Эрну А. Историческая морфология латинского языка. М., 2004.

89. *Якубинский 1953*: Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953.

90. *Янко-Триницкая 1962*: Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962.

91. *Ambrazas 1997*: Ambrazas V. (ed.) Lithuanian Grammar. Vilnius, 1997.

92. *Auroux 1992*: Auroux S. Histoire des idées linguistiques. T. 2. Liege, 1992.

93. *Križanić 1984*: Križanić Juraj. Gramatično izkazanje // Sabrana djela Jurja Križanića. Knj. 2. Zagreb, 1984. Цит. по [Шаповал б/г].

94. *Holton, Mackridge, Philippaki-Warburton 1997*: Holton D., Mackridge P., Philippaki-Warburton I. Greek: A comprehensive grammar of the modern language. London, 1997.

95. *Seriot 1985*: Seriot P. Analyse du discours politique Soviétique. Paris, 1985.

Приложение. Список использованных источников древних текстов

1. Галицко-Волынская летопись. Библиотека литературы Древней Руси, т. 5. http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4961 (проверено 06.06.2010).
2. Древнерусские берестяные грамоты. Издание на сайте http://gramoty.ru (проверено 06.06.2010).
3. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. http://feb-web.ru/feb/avvakum/texts/a34/a34-063-.htm (проверено 06.06.2010).
4. Житие Феодосия Печерского. Библиотека литературы Древней Руси, т. 1. http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4872 (проверено 06.06.2010).
5. Изборник 1073 г. Библиотека литературы Древней Руси, т. 2. http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2167 (проверено 06.06.2010).
6. Изборник 1076 г. Библиотека литературы Древней Руси, т. 2. http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2178 (проверено 06.06.2010).
7. Киево-Печерский патерик. Библиотека литературы Древней Руси, т. 4. http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4945 (проверено 06.06.2010).
8. Киевская летопись. http://www.lrc-lib.ru/rus_letopisi/Kiev/index.php (электронное издание с грамматическим поиском, проверено 06.06.2010).
9. Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. http://bibliotekar.ru/rus/92.htm (проверено 06.06.2010).
10. Лаврентьевская летопись 1377 г. Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1997. http://www.lrc-lib.ru/rus_letopisi/Laurence/contents.htm (проверено 06.06.2010).
11. Остромирово евангелие. http://sovety.org.ru/files/ostromirovo.pdf (проверено 06.06.2010, воспроизведение по изданию 1853 г.).
12. Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным. Первое, второе, третье послания Курбского Ивану Грозному, первое и второе послания Ивана Грозного Курбскому. http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=8869 (проверено 06.06.2010).

13. Повесть о Горе-Злочастии. http://feb-web.ru/feb/irl/il0/i22/i22-2072.htm (проверено 06.06.2010).
14. Повесть об Акире Премудром. Библиотека литературы Древней Руси, т. 3. http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4876 (проверено 06.06.2010).
15. Поучение Владимира Мономаха. Библиотека литературы Древней Руси, т. 1. http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4874 (проверено 06.06.2010).
16. Пчела. Изборник 1073 г. Библиотека литературы Древней Руси, т. 5. http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4968 (проверено 06.06.2010).
17. Симеон Полоцкий. Автограф, хранящийся в ГИМ. http://old.portal-slovo.ru/rus/philology/258/259/574/6019/ (проверено 06.06.2010).
18. Сказание о Борисе и Глебе. Библиотека литературы Древней Руси, т. 1. http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4871 (проверено 06.06.2010).
19. Слова и поучения Кирилла Туровского. Библиотека литературы Древней Руси, т. 4. http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4936 (проверено 06.06.2010).
20. Соборное уложение 1649 г. http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm (проверено 06.06.2010).
21. Сочинения Максима Грека. Библиотека литературы Древней Руси, т. 9. http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5107 (проверено 06.06.2010).
22. Тредиаковский В. К. Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определением до сего надлежащих знаний. http://www.rvb.ru/18vek/trediakovsky/01text/02theory/140.htm (проверено 06.06.2010).
23. Хождение Богородицы по мукам. Библиотека литературы Древней Руси, т. 3. http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4930 (проверено 06.06.2010).